

Особые обстоятельства

Автор:

[Джон Карре](#)

Особые обстоятельства

Джон Ле Карре

Master Detective

Новый роман классика шпионского жанра Джона Ле Карре (р. 1931) единодушно признан публикой очередным шедевром писателя. В основу сюжета книги легла сверхсекретная операция в Гибралтаре, проведенная британскими и американскими войсками и направленная – предположительно – против крупного террориста. В министерстве иностранных дел было объявлено о ее успешном исходе, а участники удостоены почестей... Но как все обстояло на самом деле? В чем состоит правда об этой операции, столь тщательно скрываемой? Расследование берут в свои руки двое министерских служащих – оба они люди вовсе не героического склада, но считают делом чести и совести вывести на свет истину о секретной операции, обернувшейся провалом и позором, и рискуют своей карьерой, свободой и даже жизнью.

Джон Ле Карре

Особые обстоятельства

И новая весна к любви неотвратимо добавляет

То, что зима убавить не вольна[1 - Строки из стихотворения Джона Донна “Растущая любовь” в переводе Г. М. Кружкова. (Здесь и далее – прим. перев.)].

Джон Донн

Если человек говорит правду, рано или поздно его обязательно разоблачат.

Оскар Уайльд

© David Cornwell, 2013

© А. Головина, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

1

Поджарый и гибкий мужчина слегка за пятьдесят без усталости мерил шагами комнату на втором этаже ничем не примечательного отеля Британского Гибралтара. Вполне приятные и даже благородные черты лица типичного англичанина в этот момент выдавали в нем холерика, доведенного до ручки. Сторонний наблюдатель, взглянув на согбенную спину, размашистую походку и непослушную седоватую шевелюру, которую мужчина то и дело поправлял костлявой рукой, решил бы, что перед ним свихнувшийся профессор. И уж конечно, никому даже в самых смелых фантазиях не пришло бы в голову, что этот чудак – британский чиновник средней руки, которого выдернули из-за рабочего стола в одном из скучнейших отделов министерства иностранных дел, чтобы в обстановке строжайшей секретности доверить ему выполнение сверхважного задания.

Звали мужчину, как неоднократно твердил он самому себе и иногда даже вслух, Пол. Фамилия – Андерсон – оказалась чуть проще для запоминания. Стоило ему включить телевизор, на экране появлялась дежурная надпись: “Добро пожаловать, мистер Пол Андерсон. Почему бы вам не отведать бесплатный аперитив в нашем ресторане «Каморка лорда Нельсона!»” Такого педанта, как Андерсон, чрезвычайно раздражал неуместный восклицательный знак вместо

знака вопроса. За последние семьдесят два часа он вылезал из белого отельного халата только лишь при попытке уснуть (безуспешной), да еще когда в неурочное время пробрался пообедать в ресторанчик на крыше, где отвратительно пахло хлоркой, – ветер доносил ароматы бассейна, расположенного на третьем этаже здания напротив. Халат, как и почти все остальное содержимое номера, был ему короток, насквозь пропитался застарелым сигаретным дымом и лавандовым освежителем воздуха.

Вышагивая по спальне, мужчина не стеснялся в выражении своих чувств, столь нежелательных на его службе. В высоком зеркале, намертво привинченном к стене, обклеенной клетчатými обоями, отражалось его лицо – то озадаченное и нахмуренное, то довольное и даже сияющее. Он то и дело обращался с монологом к самому себе, пытаясь то ли убедить, то ли утешить. И какая разница, говорил ли он про себя или вслух – все равно в комнате, кроме него, никого не было, за исключением поблекшей фотографии в рамочке с изображением юной королевы верхом на бурой лошади.

На покрытом оргстеклом столе лежали остатки клубного сэндвича, при взгляде на который у него в голове всплывала фраза “мертв по прибытии”, и полупустая бутылка из-под колы. С тех самых пор как он, заселившись в отель, принял нелегкое решение отказаться от алкоголя, мужчина строго его придерживался. Кровать, к которой он успел проникнуться искренней и горячей ненавистью, отличалась гигантскими размерами и чудовищно неудобным матрасом. Он прилег на нее лишь разок, и спина сразу же ему за это отомстила.

На кровать было наброшено кричаще-малиновое покрывало из искусственного шелка, а на покрывале лежал вполне невинный с виду мобильный телефон, нашпигованный, как утверждалось, сверхсекретными технологиями шифрования. Мужчина в них не особо верил, но все же склонялся к мысли, что телефон и впрямь непростой. Каждый раз, проходя мимо кровати, он бросал на мобильник взгляды, полные надежды, отчаяния и укоризны.

“Очень сожалею, Пол, но на протяжении всей миссии вас придется ограничить в общении – исключительно в интересах работы, – зазвучал у него в голове чеканный южноафриканский акцент Эллиота, его самоназначенного полевого командира. – Если же во время миссии у вашей чудесной семьи возникнут какие-либо затруднения или проблемы, им будет предложено обратиться за помощью в отдел социального обеспечения вашего министерства, после чего с вами немедленно свяжутся. Вы все поняли, Пол?”

Да, Эллиот, потихоньку начинаю понимать.

Добравшись до огромного панорамного окна в дальнем конце комнаты, мужчина сквозь грязноватые тюлевые занавески посмотрел наружу. За окном вдали возвышалась знаменитая Гибралтарская скала. Желтовато-землистая, вся в складках, она походила на злобную старуху. То ли по привычке, то ли просто из нетерпения он в очередной раз взглянул на непривычные часы на запястье и сравнил время на них с зелеными цифрами электронного будильника у кровати. Потертые стальные часы с черным циферблатом сменили его золотые “Картье”, подарок любимой жены на двадцать пятую годовщину свадьбы. Она купила их, получив наследство после смерти одной из многочисленных тетушек.

Да нет же! У Пола нет никакой жены! У Пола Андерсона нет ни жены, ни дочери. Пол Андерсон (будь он проклят) – отшельник!

– Пол, милый, ну мы же не можем допустить, чтоб ты ходил в таком виде, – говорила заботливая женщина примерно его возраста целую жизнь назад, в домике из красного кирпича близ аэропорта Хитроу. Вдвоем с коллегой – похожие, как сестры, – они кудахтали вокруг него, переодевая и готовя к важному заданию. – Тут же инициалы вышиты – очень мило, но так нельзя. Сразу ведь понятно, что инициалы на белье бывают только у женатиков, верно, Пол?

Твердо решив вести себя, как подобает хорошему и приятному в общении человеку, он вежливо посмеялся. Женщина подписала клейкий ярлык именем “Пол” и, забрав у него золотые часы и обручальное кольцо, убрала все это в небольшой сейф. Как она выразилась – “на пока что”.

* * *

Господи, как меня вообще занесло в эту дыру?

Упал я сюда сам или меня подтолкнули? Или и то, и другое?

За несколько тщательно вымеренных кругов по комнате опишите точные обстоятельства, при которых вы из прекрасной скучной жизни перенеслись вдруг в камеру одиночного заключения на британской колониальной скале.

* * *

– А как поживает ваша дорогая бедняжка-жена? – спросила пожилая, но еще не древняя Снежная Королева, возглавлявшая у них отдел кадров, недавно за каким-то чертом переименованный в департамент по работе с персоналом. В тот прекрасный пятничный вечер, когда все приличные люди торопились домой, кадровичка без каких-либо объяснений вызвала его к себе в кабинет на высоком этаже. Они издавна враждовали, и если между ними и было что-то общее, так это лишь чувство, что таких, как они, на свете осталось совсем немного.

– Спасибо, что спросили, Одри, – ответил он. – Рад сообщить, что на бедняжку она ничуть не тянет. – Для таких бесед, вовсе не безобидных, как могло показаться на первый взгляд, он приберегал особый тон, нарочито несерьезный. – “Дорогая” – это верно, но никак не бедняжка. К счастью, у нее полная ремиссия. А вы? Цветете и пахнете, смею надеяться?

– Значит, вы сможете отлучиться из дома, – заметила Одри, проигнорировав его вопрос.

– Боже ж ты мой, конечно, не смогу! Как же мне ее покинуть? – хохотнул он, ни на минуту не выходя из образа беззаботного шутника.

– Очень просто. Подумайте, не прельстит ли вас перспектива провести в полной тайне от всех четыре, в крайнем случае пять дней за границей, в чрезвычайно полезном для здоровья климате.

– Как ни удивительно, Одри, такая перспектива представляется мне весьма заманчивой. Сейчас у нас дома живет дочь, так что я буду весьма рад возможности уехать, учитывая то, что она у нас доктор, – не сдержавшись, гордо добавил он. Впрочем, Одри не впечатлили достижения его дочери.

– Я не знаю, с каким поручением вас посылают. Собственно, я и не должна этого знать, – продолжила кадровичка, отвечая на незаданный им вопрос. – Вы, может, слышали: у нас в верхах появился новый помощник министра по фамилии Квинн. Энергичный такой. Он желает с вами познакомиться и как можно быстрее. Если вы не в курсе – вдруг до вашего отдела математических вычислений новости еще не дошли, – он у нас теперь новая метла и метет тоже по-новому. Перешел

сюда из министерства обороны. Прямо скажем, не фонтан, но что поделывать.

Что же это она такое несет? Разумеется, он был в курсе таких новостей. Он же читает газеты. И вечерние выпуски новостей тоже не пропускает. Фергус Квинн, член парламента, известен миру как Ферги. Шотландец, скандалист, интеллектуал-выскочка из когорты новых лейбористов. Перед камерами криклив, агрессивен и склонен к нагнетанию конфликтов. Мало того, он еще и называет себя “бичом в руках народа”, направленным против правительственных бюрократов. Похвальные намерения, особенно если глядеть на все это с должной дистанции. А вот если ты сам – правительственный бюрократ, перспективы сразу становятся не такими радужными.

– “Как можно быстрее” – это когда? – уточнил он. – Сейчас, что ли?

– Как мне кажется, именно это он и имел в виду, говоря “как можно быстрее”, – ответила Одри.

Приемная министра была пуста. Все сотрудники давно разошлись по домам. Дверь красного дерева, толстая и надежная, была приоткрыта. Постучать и подождать, пока позовут? Или постучать и войти? Он выбрал какой-то промежуточный вариант.

– Да не стойте там, – слышался голос. – Заходите и закройте за собой дверь.

Он вошел внутрь.

На молодом энергичном министре оказался тесный темно-синий смокинг. Он стоял перед мраморным камином, в котором ярко-красная фольга имитировала горящие угли, и прижимал к уху мобильный телефон. В реальности он оказался таким же, как и в телевизоре: плотным, с бычьей шеей, короткими рыжими волосами и быстрыми, жадными глазками на лице типичного боксера.

За ним возвышался трехметровый портрет восемнадцатого века с изображением какого-то государственного чина в лосинах. Перенервничав, он невольно принялся сравнивать двух столь разных на первый взгляд господ. Хотя Квинн то и дело заявлял о своей близости к народу, в его повадках сквозил такой же высокомерный снобизм, что и у мужчины с портрета. Оба стояли, перенеся вес на одну ногу и отведя в сторону согнутое колено другой. Может, энергичный

молодой министр тоже хочет развязать войну с гнусными лягушатниками? Или осадить глупых улюлюкающих мужланов, жаждущих крови? Но министр не сделал ни того, ни другого. Слегка улыбнувшись своему посетителю, он коротко бросил в трубку:

– Я тебе перезвоню, Брэд. – И, закончив звонок, энергично потряс его руку.

Захлопнув дверь, Квинн запер ее и повернулся к нему.

– Мне говорили, что вы один из самых опытных наших работников, – сказал он мягким голосом с тщательно выпестованным центральным диалектом, внимательно оглядев с ног до головы посетителя. – Хладнокровный, скрытный, неразговорчивый. Двадцать лет работали за границей. Были у вас свои взлеты и падения, как, впрочем, у любого из нас. Ну как, соответствует такое описание истине?

– Пожалуй, даже чересчур лестно, – ответил он озадаченно, пытаясь сообразить, кто же мог наговорить такого министру.

– Но сейчас вы привязаны к дому из-за пошатнувшегося здоровья супруги и фактически сидите без дела.

– Это только последние несколько лет, господин министр, – ответил он, возмущившись про себя этим его “сидите без дела”. – И, кстати сказать, в данный момент я вполне волен ехать, куда пожелаю, – добавил он.

– А чем конкретно вы сейчас занимаетесь, не напомните?

Он уже открыл было рот, чтобы выдать министру бесконечный перечень жизненно важных дел, которыми он занимался на службе, когда тот махнул рукой:

– Работали ли вы когда-нибудь непосредственно на разведку? – спросил он.

– В каком смысле “непосредственно”, господин министр?

– Ну, знаете. Тайные агенты, шпионаж. “Рыцари в плаще и со шпагой”.

– Нет, плащом и шпагой пользовался лишь как потребитель, – неловко пошутил он. – Изредка. И никогда не стремился изменить такое положение дел, если вы это хотели узнать, господин министр, – добавил он.

– Даже когда служили за границей?

– Увы, как правило, все зарубежные назначения предполагают должности экономической, коммерческой либо консультационной направленности, – перешел он на канцелярский, архаичный язык, как делал всегда в стрессовых ситуациях. – Разумеется, изредка приходилось сталкиваться и с отчетами под грифом “Секретно”. Но, спешу вас заверить, никаких сверхсекретных данных мне не встречалось. Вот, собственно, и все.

Но министра, похоже, недостаток оперативного опыта совершенно не расстроил, а напротив, даже воодушевил.

– Это делает вас надежным работником.

– Можно и так сказать, – скромно отозвался он.

– А борьбой с терроризмом не приходилось заниматься?

– Боюсь, нет.

– Но вам ведь это все не безразлично?

– Что именно, господин министр? – вежливо уточнил он.

– Процветание и благополучие нашей страны. Безопасность сограждан, в какой бы точке мира они ни находились. Важнейшие ценности, незыблемые даже в самые тяжелые времена. Наше культурное наследие.

– Ну, мне кажется, это само собой подразумевается, разве нет? – пробормотал он, чувствуя противный холодок где-то глубоко в животе.

А министр, ничуть не смущенный излишним пафосом собственных речей, продолжил:

– Значит, если бы я сказал, что вам предстоит выполнить чрезвычайно деликатное задание, предполагающее обезвреживание террористов, которые намереваются вероломно напасть на нашу родину, вы не отказались бы нам помочь? Верно?

– Напротив. Я бы... – замялся он.

– Что?

– Чувствовал себя польщенным. Даже гордился бы такой честью. И, конечно, немало бы удивился.

– Чему же тут удивляться?

– Господин министр, конечно, это не мне решать, но почему вы выбрали меня? Уверен, что в ведомстве достаточно людей, обладающих нужным вам опытом.

Изящно ступая, министр подошел к эркерному окну и, склонив голову набок, принялся изучать песок на плац-параде конной гвардии, золотившийся в лучах заходящего солнца.

– А если бы я к тому же добавил, что вы до скончания дней своих ни словом, ни делом, ни намеком не должны раскрывать того факта, что подобная контртеррористическая операция даже просто планировалась, не говоря уж о том, что она была осуществлена... Это оттолкнуло бы вас?

– Господин министр, если вы считаете меня подходящим для такой службы, я буду лишь счастлив приступить к выполнению задания, в чем бы оно ни заключалось. Кроме того, поспешу вас заверить: я буду чрезвычайно осторожен и осмотрителен.

Цветистые обороты говорили о том, что он крайне раздражен необходимостью доказывать свою верность отчизне.

Министр все так же маячил перед окном.

– Не буду кривить душой, – заявил он, обращаясь к собственному отражению. – Ситуация такова, что нам осталось навести еще пару, так сказать, мостов. Нужно получить зеленый свет от очень и очень серьезных людей вон оттуда, – кивок в сторону Даунинг-стрит. – Как только все это устроится, вы станете моими ушами и глазами. Будьте объективны, думайте головой и не подслащивайте пилюлю. Никаких этих ваших дипломатических уверток и хитростей. Мне это не нужно. Совсем. Описывайте ситуацию так, как есть, без прикрас. Мне необходим хладнокровный взгляд опытного, надежного сотрудника. Понимаете меня?

– Да, господин министр, разумеется. – Собственный голос донесся до него словно издалека.

– У вас в семье есть еще Полы?

– Что, простите?

– Боже правый. По-моему, несложный вопрос. У вас в семье кто-нибудь еще носит имя Пол? Да или нет? Может, у вас брат Пол или отец. Откуда мне знать?

– Нет, господин министр. Кроме меня, никаких Полов у нас нет.

– А Полины среди женской части есть? Или Полетты?

– Нет, точно, нет.

– А что насчет Андерсонов? Такие не водятся? Может, девичья фамилия мамы была Андерсон?

– Нет, господин министр, насколько мне известно, нет.

– Вы ведь в неплохой физической форме, верно? Прогулка по пересеченной местности вас не доконает?

– Нет, что вы. Я часто гуляю и много вожусь в саду, – опять словно откуда-то издалека послышался его ответ.

– Ждите звонка от человека по фамилии Эллиот. Если он позвонит, значит, вы в деле.

– А не подскажете, Эллиот – это его настоящая фамилия или псевдоним? – спокойно, словно беседуя с известным психом, уточнил он.

– Да откуда мне знать, черт вас подери? Он секретный агент, работает под эгидой организации, известной как “Общество этических результатов”. Организация эта существует не так давно, но они уже успели себя здорово зарекомендовать. Лучше их в интересующей нас области не работает никто, я узнавал.

– Простите, господин министр, о какой именно “области” вы говорите?

– Об охране частных предприятий. Вы что, в берлоге последние десять лет проспали? Если вы не заметили, сейчас все ринулись в корпоративный сектор. Профессиональная армия теперь никому не нужна. Полно чиновников, снабжение отвратительное, на каждых шесть солдат по начальнику. А сколько на это уходит денег! Не верите – попробуйте хоть пару лет порулить министерством обороны.

– О, конечно, я вам верю, – придя в ужас от такого уничижительного описания британской армии, все же поддакнул он.

– Вы ведь, вроде, дом продаете, да? – сменил тему министр. – В Харроу или где-то в тех краях.

– Верно, в Харроу, – уже ничему не удивляясь, подтвердил он. – В Северном Харроу.

– Что, деньги нужны?

– Нет-нет, что вы, совсем нет! – воскликнул он, радуясь возможности хоть на секунду вернуться к делам житейским и простым. – У меня кое-какие

сбережения есть, да и жена недавно получила скромное наследство, ей даже домик в деревне перешел. Мы подумывали продать дом, в котором сейчас живем, пока рынок еще держится, а потом уж решим, куда переехать.

– В общем, Эллиот скажет, что хочет купить ваш дом в Харроу. О том, что он из “Этических результатов”, говорить не будет. Мол, просто увидел рекламу вашего домика у своего риэлтора, дом ему понравился, но есть пара вопросов, которые он хотел бы обсудить. Он предложит вам место и время для встречи. И вы согласитесь на любую его дату, как бы неудобно это ни было. Ничего уж не поделаешь – так эти господа работают. Ну как, вопросы еще есть?

Он удивился: разве он задал министру хоть один вопрос?

– Ну а пока живите обычной жизнью, – продолжал министр. – О нашей встрече никому ни слова. Ни на работе, ни дома. Поняли?

Нет, подумал мужчина. Ничегошеньки я не понял. Но вместо того, чтобы высказать эту мысль, он лишь со всей возможной искренностью ответил “да”. Остаток этого пятничного вечера он провел, как обычно, в клубе на улице Пэлл-Мэлл. Как он добрался до дома, он помнил уже очень смутно.

* * *

Пол Андерсон сидел, согнувшись над компьютером. В соседней комнате оживленно болтали его супруга и дочь, и он наконец решился открыть “Гугл” и ввести в строку поиска “Общество этических результатов”. Возможно, вы имели в виду: Акционерная компания “Этические результаты”, город Хьюстон, штат Техас?

За неимением другой информации Пол согласился почитать и про акционерную компанию из Хьюстона.

Международная команда потрясающих и уникальных экспертов геополитики из компании “Этические результаты” проводит инновационный, современный и глубокий анализ рисков как для крупнейших корпораций, так и для государственных учреждений. Мы гордимся прямоотой своих суждений,

тщательностью проверок и высочайшим уровнем владения сверхсложными компьютерными программами.

Предоставление услуг по охране частных лиц и ведению переговоров – по предварительной договоренности. На все ваши запросы, содержание которых хранится в строжайшем секрете, с радостью ответит наш специалист Марлон.

Под текстом значился адрес электронной почты и номер почтового ящика в Хьюстоне. Для запросов, которые Марлон собирался хранить в строжайшем секрете, был указан бесплатный телефон[2 - Речь идет о специальной телефонной службе: стоимость звонка в ответ на объявление или рекламу оплачивает рекламодатель.]. Ни одного имени – ни директоров, ни консультантов или уникальных геополитических экспертов – указано не было. Эллиотов на сайте тоже не значилось. “Этические результаты” подчинялись международной корпорации “Спенсер Харди Холдингс”, в круг интересов которой входили нефтедобыча, выращивание пшеницы, лесозаготовки, скотоводство, недвижимость и некоммерческая деятельность. Та же корпорация содержала несколько евангелических фондов, церковно-приходских школ и миссионерских организаций.

Для получения дополнительной информации об “Этических результатах” требовалось ввести предварительно полученный код. У Пола такого кода не имелось, и, чувствуя себя воришкой, украдкой пробравшимся в чужой дом, он закрыл сайт.

Прошла неделя. И утром после завтрака, и на работе, и вечером, возвращаясь домой, он изображал из себя нормального человека, как ему было велено, и ждал звонка, который мог поступить, а мог и нет, а мог раздаться в самый неожиданный момент – так, конечно же, и произошло однажды рано утром, когда его жена крепко спала после своих лекарств, а он, в клетчатой рубашке и вельветовых штанах, мыл оставшуюся от ужина посуду и размышлял, а не привести ли ему наконец в порядок лужайку на заднем дворе.

Тут-то и зазвонил телефон.

– С добрым утречком! – жизнерадостно провозгласил в трубку Андерсон, и ему ответил не кто иной, как Эллиот, который, как это ни странно, и впрямь заявил, что увидел в витрине агентства недвижимости фотографию их дома и намерен

теперь его купить.

Вот только представился он не Эллиотом, а, скорее, Иллиотом – сказывался южноафриканский акцент.

* * *

Интересно, входит ли Эллиот в международную команду потрясающих и уникальных экспертов по геополитике? Вполне возможно, хотя и не очевидно. Спустя каких-то полтора часа оба мужчины уже сидели в голом офисе, расположенном в убогом переулке неподалеку от Паддингтон-стрит Гарденс. Эллиот, с накачанными мускулами, оливкового цвета кожей и испещренным оспинами лицом, явился на встречу в скромном костюме и полосатом галстуке с маленькими парашютиками. Холеную левую руку украшали три крупных перстня, бритая голова ослепительно сияла, а цепкий взгляд бесцветных глаз то внимательно изучал собеседника, то возвращался к осмотру мрачных стен. Слова он выговаривал столь тщательно, что сразу становилось ясно: в школе ему не раз ставили “отлично” за произношение и грамотность речи.

Эллиот вытащил из тумбочки почти новый британский паспорт и, посплюнув палец, быстро перелистал странички.

– Манила, Сингапур, Дубай. Это всего лишь малая часть тех славных городов, где вы побывали, участвуя в разнообразных конференциях и съездах ученых-статистиков. Вам все понятно, Пол?

Полу все было понятно.

– Если вдруг в самолете к вам пристанет какой-нибудь любопытный, которому позарез нужно будет узнать, чего вы забыли в Гибралтаре, скажете ему, что там организуют очередную конференцию. Если не отстанет – смело посылайте куда подальше. На Гибралтаре базируется огромное количество интернет-казино, и не все из них абсолютно легальны. И владельцы этих casinos не любят, когда их подчиненные без спроса открывают рот. Кстати, Пол, хочу вас спросить и надеюсь на честный и прямой ответ: у вас есть какие-либо вопросы или сомнения касательно вашей легенды?

– Знаете, Эллиот, кое-какие сомнения все же есть, хотя, конечно, совсем небольшие, – помявшись, признался Андерсон.

– Пожалуйста, Пол, не стесняйтесь, говорите.

– Понимаете, будучи британцем – и сотрудником дипслужбы, повидавшим мир, – въезжать на британскую территорию, изображая из себя другого британца... Это, как бы поточнее выразиться... как-то ненадежно, мягко говоря.

Эллиот, не мигая, уставился на него маленькими круглыми глазками.

– Может, – продолжал Андерсон, – мне поехать под своим именем? Рискнуть, так сказать? Ведь понятно, что мне надо будет сидеть тише воды, ниже травы. Но если, несмотря на все наши точнейшие расчеты и предосторожности, я все-таки столкнусь с кем-то, кого знаю – вернее, кто знает меня, – что тогда? А так я мог бы оставаться самим собой. Вместо того чтобы...

– Вместо чего же, Пол? – перебил его Эллиот.

– Ну, вместо того чтобы изображать из себя фальшивого статистика Пола Андерсона. Да кто, зная меня, поверит в такую чушь? Нет, ну правда, Эллиот. – Он почувствовал, что краснеет. – Да у правительства Ее Величества огромная военная база на Гибралтаре, не говоря уж о довольно крупном представительстве министерства иностранных дел и чудовищных размеров радиостанции перехвата. Да, и это я еще не упомянул учебный лагерь спецназа. Если мы хоть в чем-то просчитаемся и кто-нибудь вдруг полезет ко мне обниматься, уверяя, что я его давний, запропастившийся неизвестно куда дружок, всё! Пиши пропало, мы погорим. Да и вообще – я ведь ни черта не смыслю в статистике. Ни в коей мере не ставлю под сомнение вашу компетенцию, Эллиот. И, разумеется, сделаю так, как мне будет велено. Но все же это как-то странно.

– Это все, что вас беспокоит, Пол? Больше ничего? – услужливо поинтересовался Эллиот.

– Да. Конечно. Разумеется. Просто хотел объяснить свою позицию. – Он уже сожалел, что вообще открыл рот. Но нельзя же вот так взять и просто наплевать на всякую логику?

Эллиот облизал губы, нахмурился и подчеркнуто внятно произнес:

– Пол, поймите, на Гибралтаре всем плевать, кто вы такой на самом деле. Пока вы не высовываетесь и предъявляете по требованию британский паспорт, вы никому не интересны. Тем не менее именно вы окажетесь на линии огня, если события начнут развиваться по наихудшему из возможных сценарию. Готовиться к этому – моя прямая обязанность. Давайте чисто гипотетически представим, что операция завершится совершенно непредвиденным образом, неожиданным даже для экспертов планирования, к коим я имею счастье себя относить. Люди начнут задавать вопросы. А не замешан ли тут тайный агент? А не был ли им тот странный тип по фамилии Андерсон, который целыми днями и ночами сидел в номере за книжками? И где же нам его найти? Это на островке-то размером с плевки. На вашем месте, если бы вдруг так все и произошло, я радовался бы, что на самом деле я никакой не Андерсон. Ну что, теперь довольны, Пол?

Счастлив, как молодожен в день свадьбы, Эллиот, хотел сказать он. Работа непривычная, все это похоже на какой-то сон, но я с вами, я вас полностью поддерживаю, не переживайте. Но, заметив, что Эллиот выглядит весьма раздраженным, он испугался, что так и не начавшийся инструктаж окончится на совсем уж печальной ноте, и решил сменить тактику.

– Ну а где же во всей этой схеме отведено место для такого высококвалифицированного специалиста, как вы, Эллиот? Уж простите за любопытство, – дружелюбно поинтересовался он.

Эллиот расплылся в самодовольной улыбке:

– Как хорошо, что вы спросили, Пол. Я – человек военный, так сказать, солдафон. У меня за плечами войны и большие, и маленькие. Служил в основном в Африке. Во время одного из таких приключений я и познакомился с человеком, чьи связи в мире разведки поражают, даже ошеломляют. Агенты этого поистине удивительного человека разбросаны по всему миру, они с готовностью и радостью работают на него, зная, что он использует собранные ими сведения только на благо принципов демократии и свободы. Между прочим, операция “Дикая природа”, в детали которой я собираюсь вас посвятить, – его детище.

Разумеется, выслушав такой вдохновенный панегирик, Андерсон не смог не задать очевидный подхалимский вопрос:

– Могу ли я поинтересоваться, как же зовут такого замечательного человека?

– Пол, теперь вы – член нашей большой и дружной семьи. Поэтому я без всякого промедления могу с гордостью и по большому секрету сообщить вам, что основателем и инициатором “Этических результатов” является мистер Джей Криспин.

* * *

В Харроу он вернулся на черном такси.

“С этой самой минуты не выкидывайте никаких чеков”, – велел ему во время разговора Эллиот. И Андерсон послушно требовал с таксиста чек.

Дома залез в “Гугл”, ввел в поисковую строку “Джей Криспин”.

Джей, девятнадцатилетняя официантка из Пэйнтона, Девон.

Дж. Криспин, изготовитель шпона, начал свою карьеру в 1900 году в городе Шордитч.

Джей Криспин: прослушивания для моделей, актеров, музыкантов и танцоров.

А про Джея Криспина, основателя “Этических результатов” и инициатора операции “Дикая природа”, – ни слова.

* * *

Высунувшись в очередной раз из гигантского окна своей отдельной камеры, он, постоянно напоминая себе, что его зовут Пол, извергнул поток бессмысленных ругательств: гребаные уроды, ублюдки. Подумав, добавил еще пару уродов, нацелив их скоростным речитативом во все еще молчащий телефон на кровати, завершил атаку грозным требованием – да звони, сраный ты кусок пластмассы, звони уже! – и обнаружил, что, то ли в его воображении, то ли в реальности, этот самый кусок пластмассы громко и омерзительно чирикает “диддли-ди,

диддли-до, диддли-диддли-да-да-да”.

Не веря своим ушам, Андерсон застыл на месте. Этого просто не может быть. Наверное, это бородатый грек из соседнего номера опять поет в душе. Или озабоченная парочка сверху – пыхтящий мужик и его стонущая партнерша. Наверное, у меня галлюцинации.

Ему вдруг чудовищно захотелось провалиться в сон, а проснуться, только когда все это уже кончится. Но, не успев додумать эту мысль, он бросился к кровати, схватил телефон и, поднеся его к уху, замер, не смея произнести ни слова.

– Пол? Алло, Пол, ты меня слышишь? Это я, Кирсти! Помнишь меня?

Кирсти, которую он никогда не видел, была его временным телохранителем. Он судил о ней по ее голосу, дерзкому и властному, а о внешности лишь гадал. Иногда ему казалось, что он уловил в ее речи легкий намек на австралийский акцент – в пару к южноафриканскому акценту Эллиота. Иногда пытался представить, какое же тело прилагается к такому голосу. Иногда – а есть ли вообще у этого голоса тело.

Сейчас он уловил в ее напряженном голосе нотки, подсказывающие, что хороших вестей ждать не стоит.

– Как там тебе сидится, Пол, ничего?

– Вполне, Кирсти. Надеюсь, и у тебя все в порядке?

– Готовишься к очередной ночной вылазке? Поохотишься с фоторужьем на совушек?

Для идиотской легенды Полу Андерсону придумали даже хобби – орнитологию.

– Придется с этим повременить, – сказала Кирсти. – Планы изменились, сегодня начинаем. Пять часов назад “Розмари” покинула порт и направилась к Гибралтару. Аладдин забронировал для своих гостей китайский ресторан около причала Квинсвей, у них там будет что-то вроде вечеринки. Запустит гостей, а потом смоемся. Встреча с Игроком назначена на двадцать три часа тридцать

минут. Как ты смотришь на то, чтобы я забрала тебя из отеля ровно в двадцать один? Девять вечера и ни минутой позже. Ясно?

- А когда я встречу с Джебом?

- Как только это станет возможно, Пол, - сухо, как и всегда при упоминании Джеба, ответила Кирсти. - Мы уже обо всем договорились. Джеб тебя дождется. Ты оденься, как будто собираешься наблюдать за птицами. И ни в коем случае не освобождай номер в отеле. Тут у нас разногласий нет?

Разногласий не было - ни сейчас, ни два дня назад, когда это обсуждали впервые.

- С собой возьмешь паспорт и кошелек. Остальные вещи аккуратно упакуй, но оставь в номере. Ключ от него положи на стойку администратора, как будто еще собираешься вернуться, но поздно вечером. И выйди на крылечко отеля, вместо того чтобы болтаться в лобби на глазах у любопытных тургрупп.

- Отличная мысль. Так и сделаю.

И это тоже уже было оговорено.

- Выйдешь на улицу, ищи синий джип "Тойота". Совсем новый. Под лобовым стеклом со стороны пассажирского сиденья увидишь красную табличку "Конференция".

В третий раз после его приезда Кирсти потребовала сверить часы. Андерсон думал, что это на редкость бессмысленное занятие, пока однажды не заметил, что и сам постоянно сверяет часы с будильником на прикроватном столике. До выхода остался час пятьдесят две минуты.

Кирсти распрощалась и повесила трубку. Он вновь оказался в одиночестве. Неужели это происходит со мной? Да, дорогой друг, так оно и есть. В твои руки доверили важное дело, а ты сидишь весь потный от страха.

Он растерянно глядел вокруг, в очередной раз осматривая свою тюрьму, ставшую ему домом. Везде валялись книги, которые он привез с собой и так и не

открывал. Работа Саймона Шамы, посвященная французской революции, заметки Монтефиоре об Иерусалиме – обе книги в других обстоятельствах он проглотил бы залпом. Указатель по средиземноморским птицам, который ему всучили. И наконец, самый главный его враг в этом номере: Стул, Воняющий Мочой. После того как кровать оказалась непригодной для сна, он полночи просидел на этом самом стуле. Может, посидеть еще? В сотысячный раз пересмотреть “Разрушителей плотин”? Хотя, наверное, “Генрих V” с Лоуренсом Оливье в главной роли больше подходит для умасливания богов войны и превращения его в стойкого оловянного солдата. Или можно чуток взбодриться, включив порнушку про монахинь. Так сказать, разогнать кровь.

Распахнув дверцы хлипкого шкафа, он вытащил зеленый чемодан на колесиках, обклеенный бирками из аэропортов и по легенде принадлежащий Полу Андерсону, и принялся упаковывать вещи, составляющие всю фальшивую личность этого непоседливого статистика и любителя птиц. Закончив с багажом, он уселся на кровать и поставил на подзарядку свой шпионский телефон – его постоянно терзал неотвязный страх, что в самый неподходящий момент мобильник разрядится.

* * *

В лифте немолодая пара в зеленых свитерах спросила, не из Ливерпуля ли он. Увы, ответил он, не из Ливерпуля. Тогда, наверное, он приехал с одной из групп? И вновь он покачал головой: к какой же группе он может принадлежать, по их мнению? Но к тому моменту, как он задал этот вопрос, парочка, услышав его аристократический выговор и разглядев эксцентричный наряд, решила оставить его в покое.

Спустившись на первый этаж, он вышел в холл, полный бубнящих и галдящих представителей рода человеческого. Сквозь слои зеленых гирлянд и шариков пробивался яркий свет вывески, сообщавшей, что нынче день Святого Патрика. Неподдалеку кто-то выдавливал из аккордеона звуки традиционных ирландских песен. Повсюду плясали дородные парочки в зеленых шапочках с эмблемами “Гиннеса”. Какая-то нетрезвая мадам в съехавшей набекрень шляпке схватила его за голову, поцеловала в губы и заявила, что он – тот еще милашка.

Работая локтями и извиняясь, Андерсон пробрался наконец на улицу, где дожидалась такси целая толпа. Он сделал глубокий вдох, уловив аромат сена и

меда, смешанный с вонью выхлопных газов. Над головой сквозь облака пробивался свет средиземноморских звезд. Андерсон оделся, как ему было велено: не забыл ни про крепкие башмаки, ни про теплый анорак – ведь ночью, Пол, у нас довольно зябко. А во внутреннем кармане анорака, поближе к сердцу, лежал сверхтехнологичный шпионский мобильник, укромно спрятанный за молнией. Он приятной тяжестью давил на левый сосок, но все-таки Андерсон то и дело тянулся к карману рукой, ощупывая, не пропал ли телефон.

К череде подъезжающих машин присоединился блестящий джип “Тойота” – и впрямь синий, с красной табличкой “Конференция” под лобовым стеклом. Внутри сидели двое – белый водитель, молодой и в очках, и белая же девушка, хрупкая и изящная. Выгнувшись, как завзятый яхтсмен, она открыла боковую дверь.

– Вы Артур, да? – крикнула она. В ее голосе чувствовался сильный австралийский акцент.

– Нет, вообще-то я Пол.

– Ах да, Пол! Точно. Извините. Артура мы на следующей остановке забираем. Я Кирсти, – представилась она. – Рада знакомству, Пол. Залезайте!

Эта путаница входила в разработанный план действий – перестраховка, конечно, но пусть. Андерсон забрался внутрь. На заднем сиденье он оказался один. Дверь захлопнулась, и джип, лавируя, проехал сквозь белые ворота и свернул на галечную дорогу.

– А это Ханси, – бросила через плечо Кирсти. – Ханси – один из нашей команды. Всегда на страже. Да, Ханси? Это у него девиз такой. Не хочешь поздороваться, а, Ханси?

– Добро пожаловать к нам на борт, Пол, – ответил Ханси-всегда-на-страже, не повернув головы. По выговору было не понять, откуда он – то ли из Америки, то ли из Германии. Война стала делом поистине интернациональным.

Мимо проплывали высокие каменные стены, и Андерсон жадно осматривался вокруг, ловя каждый звук. Из джаз-клуба донесся обрывок мелодии; на дворе пара толстяков-англичан большими глотками осушала бутылки из магазина

беспощинной торговли; у тату-салона выставили манекен в джинсах с низкой талией, весь испещренный узорами; в витрине парикмахерской рекламировали прически из шестидесятых годов; старичок в ермолке и бабочке выгуливал малыша в коляске; а в магазине сувениров выставили на продажу статуэтки грейхаундов, танцовщиц фламенко, Иисуса и его апостолов.

Кирсти обернулась и принялась изучать его в свете проезжающих мимо машин. Ее скуластое лицо усыпали веснушки, заметные даже на шее. Короткие темные волосы убраны под панамку. Никакого макияжа. Глаза безразличные – во всяком случае, когда глядят на него. Рассматривая его, девушка оперлась подбородком о согнутый локоть. Определить, что у нее за фигура, Андерсон не смог из-за мешковатой охотничьей куртки.

– Все оставил в комнате, как мы и договаривались? – спросила она.

– Да, все упаковал и оставил, – подтвердил он.

– Включая книжку про птиц?

– Включая книжку про птиц.

Машина скользнула в темный переулок. Потертые занавески, облезлая штукатурка, граффити “Бриты, убирайтесь домой”, и вот они вновь в ярких огнях города.

– Из комнаты не выезжал? По забывчивости, например?

– В лобби была жуткая давка. Даже если бы я захотел съехать, мне это не удалось бы.

– А ключ от номера?

У меня в кармане, черт вас побери. Чувствуя себя полным идиотом, Андерсон вложил ключ в протянутую ладонь Кирсти. Та передала ключ водителю.

– Мы тут немножко покатаемся, хорошо? Эллиот велел показать тебе тут все, чтобы у тебя было представление об этих местах.

– Хорошо.

– Мы сейчас направляемся к Аппер Року. По пути заедем на пристань Квинсвей. Там сейчас как раз пришвартована “Розмари”, уже где-то с час. Понятно?

– Понятно.

– “Розмари” встала на место “Аладдина” – там под него выделен специальный причал. Никому, кроме “Аладдина”, там стоять не разрешается. У его хозяина в колонии полно недвижимости. Он сам еще на борту “Аладдина”, как и его гости – те все пудрят носики и никак не соберутся с силами, чтобы выбраться на берег и посетить шикарный китайский ресторанчик. Сейчас все косятся на “Розмари”, так что и ты не стесняйся, рассмотри ее повнимательнее. В конце концов, закон не запрещает пялиться на яхту за тридцать миллионов долларов.

Наверное, его охватил азарт погони. Или же он обрадовался, что наконец выбрался из своей камеры? Или просто вдруг понял, что ему представится возможность послужить родине. Как бы то ни было, но при взгляде на результаты многовековых завоеваний Британии его вдруг охватило сильнейшее чувство гордости за свою страну. Мимо проплывали памятники великим адмиралам и генералам, огромные пушки, редуты, бастионы, покореженные знаки, которые указывали стоическим британским солдатам путь к ближайшему бомбоубежищу. Перед резиденцией губернатора стояли на посту солдаты-гуркхи со штыками наготове, по улицам бродили полицейские-бобби в мешковатой униформе, огромные плакаты в духе Оруэлла провозглашали о скором открытии новой штаб-квартиры и причала в Олд Боатхаус для Королевского полка Гибралтара. Андерсон чувствовал себя как дома. Даже отвратительные на вид забегаловки, уродующие элегантные испанские фасады домов и подающие рыбу с картошкой, грели ему душу.

Яркой вспышкой промелькнули мимо освещенные военные мемориалы – сначала британский, потом американский. Затем – добро пожаловать в Оушн Вилладж, застроенный ад из многоквартирных домов с балкончиками из синего стекла, призванного имитировать океанские волны. Машина свернула к частной огороженной территории и въехала в ворота прямо мимо пустой будки охранника. Внизу виднелся лес белых мачт, вылизанная часть наплывного моста, предназначенного для официальных церемоний, рядок магазинчиков и китайский ресторан – тот самый, который был забронирован для гостей

“Аладдина”.

А в море во всем своем великолепии возвышалась “Розмари”, подсвеченная тысячей огней. В окнах на средней палубе свет не горел, зато весь салон был как на ладони – внутри за пустыми столами сидели, согнувшись над чем-то, плотные мужчины. А внизу, у подножия золотого трапа, в изящной моторной лодке стояли двое юношей в белой униформе, дожидаясь, когда же можно будет переправить Аладдина и его гостей на берег.

– Аладдин – нечистокровный поляк, принявший ливанское гражданство, – поучал Эллиот в тесной комнатухе в Паддингтоне. – И я такого поляка обхожу стороной за семь миль, так сказать. Аладдин – самый беспринципный торговец смертью на всей нашей несчастной планете. Кроме того, он еще и лучший друг и наставник для любого отребья со всего света. Насколько мне известно, сейчас у него основной груз – “пузырики”.

“Пузырики”?

– По последним данным, как минимум двадцать штук. Буквально только что с завода, крайне надежные и смертоносные.

Андерсон дал Эллиоту вволю порадоваться собственному остроумию.

– “Пузырики”, – наконец изволил объяснить тот, – переносные зенитно-ракетные комплексы. ПЗРК. Сокращение такое. Эти новые ПЗРК настолько легкие, что их может поднять даже ребенок. Ну и гражданские самолеты они сбивают просто на раз. Такие вот “пузырики”. Та еще дрянь.

– Эллиот, а что же, на Аладдине будут эти твои ПЗРК? Прямо тем вечером? На борту “Розмари”? – Андерсон решил прикинуться ничего не понимающим дурачком. Судя по всему, такое поведение Эллиоту нравилось больше всего.

– Надежные и строго засекреченные источники нашего босса сообщают, что вышеупомянутые ПЗРК – лишь часть груза. Помимо них, Аладдин везет на продажу противотанковые, ракетные и штурмовые винтовки из арсеналов самых разных стран. Аладдин, прямо как в сказке, прячет свои сокровища в пустыне. Оттуда и прозвище. Местонахождение оружия он сообщает только тому, кто предложит самую высокую цену, и только тогда, когда получает деньги. На этот

раз он собирается торговать с самим Игроком. Спрашиваешь, зачем Аладдину встречаться с Игроком? Чтобы обсудить условия сделки, конечно же, – договориться, что оплата будет производиться в золотых слитках и что оружие можно будет осмотреть до непосредственной передачи денег.

* * *

Пристань осталась позади. “Тойота” крутилась на круговой развязке с высаженными в центре пальмами и клумбами анютиных глазок.

– С мальчиками-девочками все в порядке, мы на месте, – монотонно бубнила в телефон Кирсти.

Мальчики? Девочки? Наверное, я что-то пропустил, удивился Андерсон. Он спросил у Кирсти, о ком это она.

– В ресторане восемь наших человек сидят за двумя столиками, ждут пассажиров “Аладдина”. Еще две парочки прогуливаются по улице. Плюс одно такси и двое мотоциклистов – это чтоб проследить за ним, когда он ускользнет из ресторана, – перечисляла Кирсти скучающим голосом, словно маленькая девочка, которой давно уже не хочется играть в эту занудную игру.

Повисла гнетущая тишина. Она считает, что я тут с боку припека, решил Андерсон. Что меня, ничего не понимающего лопуха, впихнули в операцию ради соблюдения идиотских политических условностей. И что я только порчу ей жизнь.

– Когда я встречусь с Джебом? – уже не в первый раз за день спросил он.

– Я уже объясняла, что твой друг Джеб будет ждать тебя в назначенном месте в оговоренное время.

– Я тут только из-за Джеба, – слишком громко заявил он, начиная кипятиться. – Ни Джеб, ни его люди не начнут операцию без моего одобрения. Кажется, мы именно так договаривались?

– Да, Пол, мы в курсе. И Эллиот в курсе. Чем быстрее вы с Джебом встретитесь и начнете диалог, тем быстрее мы со всем тут разберемся и разъедемся по домам. Ясно?

Ему совершенно необходимо увидеть Джеба.

Машин вокруг стало совсем мало. Деревья казались приземистыми, небо – высоким и просторным. Он принялся считать достопримечательности, мимо которых они проезжали. Церковь святого Бернарда. Мечеть Ибрагим-аль-Ибрагим с минаретами, подсвеченными белым. Санктуарий Пресвятой Девы Марии Европейской. Он знал о них все – благодаря бесконечному перелистыванию засаленного отельного путеводителя. В море на якорях стояла целая армада грузовых кораблей.

– Наши морячки будут действовать под опекой плавбазы “Этических результатов”, – говорил ему Эллиот.

Небо над их головами внезапно сменилось тоннелем, но не простым: когда-то здесь была шахта, которую затем перестроили в бомбоубежище. Потолок поддерживали изогнутые балки, стены вырублены прямо в скале и укреплены шлакобетонными блоками. Сверху мелькали неоновые полосы подсветки – в такт с белой разметкой на дороге. С потолка свисали клубки черных проводов, на стене виднелся знак “Осторожно! Возможны обвалы”. В асфальте выбоины, по которым текут ручейки грязной воды. Металлическая дверь в стене тоннеля ведет Бог знает куда. Интересно, проезжал ли здесь сегодня Игрок? Может, он прячется за этой самой дверью, сжав в руке один из своих двадцати ПЗРК? В голове Андерсона опять зазвучал голос Эллиота:

– Игрок у нас – не просто большая ценность, Пол. Игрок, выражаясь словами мистера Джея Криспина, ценность космического масштаба.

Столбы мелькали мимо, пока они выбирались из недр тоннеля наружу. Выехав на дорогу, словно в другой мир, они оказались на дороге, вырезанной прямо в скале. Порывистый ветер налетал на машину. В небе появился месяц. “Тойота” ехала по самому краю обрыва. Под ними сверкали огнями жилые дома. Вдали темнели испанские горы. А на море все так же стояли грузовые корабли.

– Оставь только габариты, – велела Кирсти.

Ханси выключил передние фары.

– Сбавь скорость.

Под еле слышный шелест шин по бетону они прокатились чуть вперед. Вдруг в темноте дважды мигнул красный фонарик. Затем мигнул еще раз, уже ближе.

– Всё, тормози.

Машина остановилась. Кирсти распахнула заднюю дверь, и внутрь ворвались вихрь холодного воздуха и ровное гудение моторов, доносившееся со стороны моря. В долине подсвеченные луной облака стелились по ущельям и сигаретным дымом обвивались вокруг гребня горы. Из туннеля позади них выехала машина и, сверкнув фарами, умчалась вверх по дороге, оставив после себя непроглядную тьму.

– Пол, твой друг тут.

Не видя никаких друзей, он подался к открытой двери. Кирсти отодвинула свое сиденье вперед, и вид у нее был такой, что Андерсон сразу понял – она ждет не дождется, когда же он уже вылезет из машины. Ставя ноги на землю, он слышал вопли неугомонных чаек и стрекот сверчков. Из темноты показались руки в перчатках, принадлежавшие, как выяснилось, Джебу – невысокому человечку в вязаном подшлемнике на голове, с раскрашенными камуфляжной краской щеками и лампой на лбу, больше всего похожей на глаз циклопа.

– Как я рад тебя видеть, Пол, – негромко сказал Джеб напевным, как у всех валлийцев, говором. – Примерь-ка.

– Должен сказать, Джеб, и я чрезвычайно рад нашей встрече, – искренне признался Андерсон, забирая очки и пожимая руку Джебу. Он все такой же, как и раньше: подтянутый, спокойный, себе на уме.

– Как тебе отель?

– Та еще дыра. А у тебя какой?

– Современный до жути. Иди за мной след в след, медленно, тихо. Если увидишь, что начинается обвал, падай и закрывай голову.

Он что, шутит? Как бы то ни было, Пол улыбнулся. “Тойота” к этому моменту уже ехала вниз по дороге – работа сделана, всем спасибо, все свободны. Он нацепил очки, и мир окрасился всеми оттенками зеленого. Капли дождя, которые приносил ветер, падали на очки и тут же стекали вниз, словно кишки раздавленных жучков. Джеб карабкался вверх по холму. Шахтерский фонарик освещал ему путь – узенькую тропинку. Полу показалось, будто он опять бредет по куропаточьей пустоши за своим отцом, продираясь сквозь заросли утесника пять метров высотой. Вот только тут никакого утесника нет, лишь упрямые кусты песколюбки, так и вьющиеся вокруг коленей. Как говаривал его отец, отставной генерал: за кем-то ты идешь, кого-то ты ведешь. Джеб был именно таким человеком, за которым легко идти.

Постепенно подъем перестал быть таким крутым. Ветер то стихал, то принимался дуть снова, поднимая в воздух столп песка. Вдалеке слышался стрекот вертолета.

– Мистер Криспин обеспечит вам полную поддержку и прикрытие – с размахом, в истинно американском стиле, – вновь слышался у него в голове гордый голос Эллиота. – Вам даже не следует знать о масштабах его помощи, Пол. На протяжении всей операции будет использоваться лишь самое современное оборудование, в том числе и беспилотные разведывательные самолеты – техника в самый раз для его бюджета.

Холм вновь резко пошел вверх. Земля под ногами – наполовину камни, наполовину принесенный ветром песок. Один раз Андерсон наткнулся на болт, потом на кусок стальной удочки и швартов. Затем ему встретилась металлическая рыболовная сеть, через которую он с трудом перелез. Хорошо еще, что Джеб заранее предупредил о ней.

– Отлично справляешься, Пол, – сказал Джеб. – Ящериц не бойся, они на Гибралтаре не кусаются. Их тут почему-то зовут сцинками. Ты же человек семейный нынче, да? И кто же у тебя есть, Пол? Извини, если вопрос слишком личный.

– Жена. Дочка, – с трудом переводя дыхание, ответил он. – Дочь врачом работает. – И, только сказав это, выругался про себя: совсем забыл, что у Полато никаких детей нет. Ну и черт с ним. – А у тебя, Джеб?

– Тоже жена. И сын. Ему на следующей неделе пять стукнет. Замечательный парнишка, как, наверное, и дочка у тебя.

Позади них из туннеля выехала машина. Андерсон попытался было пригнуться, но стальная хватка Джеба удержала его на месте.

– Нас никто не заметит, если мы не будем двигаться, – объяснил он все тем же мягким голосом. – Мы уже поднялись на сто метров вверх, и подъем тут довольно крутой. Правда, я не сомневаюсь, что для тебя это все пустяки. Еще немножко пройдемся, и все, мы у цели. Там всего-то трое ребят да я.

Можно подумать, будто они и впрямь ничем опасным не занимались, а вышли на приятную прогулку.

Дорога, и правда, стала невыносимой – с крутой и заросшей травой тропинки осыпался скользкий песок, и опять они наткнулись на брошенную сеть, и Джеб стоял, протянув руку, на случай, если он оступится, но он не оступился. И вдруг все закончилось. Они дошли. Их встретили трое мужчин в боевом снаряжении и с радионаушниками, один повыше, двое других пониже. Они сидели на расстеленном брезенте, потягивали что-то из жестяных кружек и следили за мониторами. Можно было подумать, что они смотрят субботний футбол.

Убежище было сделано из стальной рамы очередной рыболовной сети. Стены – из охапок листьев и веток. Андерсон стоял всего в паре метров от укрытия, но, если бы Джеб не ткнул в него прямо пальцем, он бы, точно, спокойно прошел мимо, так ничего и не заметив. Мониторы крепились к концам обсадных труб – чтобы рассмотреть что-нибудь на экране, надо было вглядываться в глубь трубы. Сквозь крышу из листьев мерцали редкие звезды. Луна освещала оружие, о существовании которого Андерсон даже не подозревал. Вдоль одной из стен аккуратно выстроились в ряд четыре коробки с инструментами. Через узкую щель, замаскированную пышной листвой, просматривалась дорога, которая спускалась на побережье и море.

– Парни, это Пол, – представил его Джеб. – Наш человек в министерстве, – добавил он, перекрикивая ветер.

Мужчины по очереди отрывались от своих труб, стягивали перчатки и, слишком энергично пожав ему руку, представлялись:

– Дон. Добро пожаловать на нашу шикарную виллу, Пол.

– Энди.

– А я Коротышка. Приветик, Пол. Как тебе подъем, понравилось?

Разумеется, Коротышкой звали самого высокого из мужчин – как же иначе?

Джеб передал ему чашку чая, сладкого из-за сгущенки. Трубы с мониторами выходили в щель и обеспечивали отличный обзор всего побережья. Если взглянуть налево, там все так же темнели горы Испании, ставшие еще чуть ближе и больше. Джеб дал ему взглянуть на левую часть разделенного надвое монитора. Там безостановочно сменяли друг друга картинки скрытых камер, установленных на пристани, в ресторане и на расцветенной огнями “Розмари”. Джеб переключился на вид скрытой камеры в ресторане, которую прикрепили к одежде одного из их людей. Камера оказалась установлена на уровне пола и показывала в данный момент важного толстяка лет пятидесяти в синем свитере и с безукоризненной прической. Толстяк сидел во главе длинного стола у эркерного окна и оживленно о чем-то беседовал со своими спутниками. Справа от него устроилась мрачная на вид брюнетка раза в два его моложе, с голыми плечами, глубоким вырезом, бриллиантовым колье и недовольной миной.

– Аладдин – тот еще придурок, – сообщил Коротышка. – Сначала обматерил по-английски главного официанта за то, что в меню нет лобстера. Теперь кроет на чем свет стоит свою подружку, уже по-арабски. И это при том, что сам – поляк. Вообще говоря, учитывая то, как она себя ведет, я удивлен, что она еще не в синяках ходит. Такой же норов крутой, как и у твоей, да, Джеб?

– Пол, подойди сюда на минутку.

Джеб положил руку ему на плечо и подвел к среднему монитору, на котором виды с воздуха перемежались снимками с земли. Наверное, работа того самого беспилотника, который был очень даже по карману мистеру Криспину. Или их сделал вертолет, что недавно шумел в облаках? На фотографии были домики, обшитые белым сайдингом и цепочкой тянущиеся вдоль края утеса. Их разделяли каменные ступеньки, которые спускались к пляжу – крошечному клочку песка в форме полумесяца, дальше переходящему в сплошные скалы. Фонари отбрасывали ярко-оранжевый свет. От домов к основной дороге шел съезд из щебенки. В домах было темно, на окнах – ни единой занавески.

Через бойницу просматривались те же самые дома.

– Тут все пойдет под снос, – негромко сказал Джеб. – Компания из Кувейта собирается построить тут казино и мечеть. Потому и дома стоят пустые. Директором этой самой компании служит Аладдин. И, судя по тому, что он втирает там своим гостям, сегодня он собирается на секретное совещание с застройщиком. Денег на этом проекте они зашибут немало. Если верить подружке Аладдина, всю прибыль они с застройщиком заграбастают себе. Сложно поверить, что у человека вроде Аладдина язык без костей, правда? Но он и впрямь тот еще болтун.

– Покрасоваться он любит, – объяснил Коротышка. – Типичный поляк.

– А что же, получается, Игрок уже ждет его в доме? – спросил Андерсон.

– Скажем так, Пол. Если он туда и приехал, то сделал это так, что мы его не заметили, – как всегда спокойно и размеренно ответил Джеб. – Снаружи мы его не видели. Внутри дома слежка не ведется – как нам сказали, это очень сложно осуществить. Невозможно оснастить жучками сразу двадцать домов, даже с современным оборудованием. Вполне может быть, что Игрок сидит в одном доме, а встречу они проводить будут в другом. Как знать? Поживем – увидим. А спешить не надо, особенно если имеешь дело с важной шишкой из Аль-Каиды.

Андерсон вспомнил, как витиевато описал этого же неуловимого Игрока Эллиот:

– Я бы сказал, Пол, что Игрок – эдакий джихадистский Алый Первоцвет[3 - Алый Первоцвет – псевдоним героя крайне популярного одноименного романа британской писательницы Эммы Орци (1865–1947), шпиона и роялиста,

ведущего борьбу с Французским сопротивлением.], скрещенный с блуждающим огоньком с болота. Он не пользуется никакими прибамбасами – ни мобильниками, ни электронной почтой. Общается только лицом к лицу и прибегает к услугам разных посыльных – каждый раз ему помогает новый курьер.

– Он может напасть на нас в любой момент, Пол, – добавил Коротышка, видимо, чтобы его подколоть. – Спуститься с гор. Или подплыть на лодке со стороны Испании. Или попросту дойти до нас по воде аки посуху. Правильно, Джеб?

Джеб коротко кивнул в ответ. Коротышка и Джеб, самый высокий и самый низкий мужчины в команде. Противоположности и впрямь притягиваются.

– А еще он вполне мог бы проделать весь путь от Марокко прямо под носом береговой охраны, да, Джеб? Или натянуть костюм от Армани и прилететь в “Клуб”[4 - Речь идет об известном политическом лондонском клубе с ограниченным членством, организованном в XVIII веке.]по швейцарскому паспорту. Или забронировать частный самолет – этот вариант я бы и сам выбрал. Только сначала заказал бы специальное питание у обворожительной стюардессы в мини-юбке. У Игрока денег куры не клюют. Так и наши суперисточники говорят. Верно, Джеб?

На фоне моря и ночного неба черным пятном темнели дома. Сереющий во тьме пляж, словно нейтральная полоса, окруженная скалами, подвергался нападению бурных волн.

– Сколько всего человек в лодке? – спросил Андерсон. – Эллиот как-то не уточнил.

– Восемь, – ответил Коротышка, выглянув из-за плеча Джеба. – Вместе с Игроком, которого они схватят, получится девять. Будем надеяться, – добавил он сухо.

– Заговорщики будут безоружны, Пол, – вновь зазвучал голос Эллиота. – До такой степени доверяют друг другу эти два ублюдка, представляешь? Никаких пистолетов, никаких охранников. Мы тихонько зайдем, схватим Игрока и уйдем, как будто нас там и не было. Ребята Джеба прикроют с земли, парни из “Этических результатов” – с моря.

Бок о бок с Джебом они смотрели в бойницу на освещенные грузовые суда. Затем Пол перевел взгляд на средний монитор. Один из кораблей стоял в сторонке от своих сотоварищей. С кормы свисал флаг Панамы. На палубе среди грузовых стрел мелькали фигуры людей. На воде у корабля болталась шлюпка с двумя моряками. Он все еще наблюдал за ними, когда в кармане вдруг начал пиликать идиотскую песенку его сверхсовременный шпионский мобильник. Джеб выхватил телефон и быстро отключил на нем звук.

- Пол, это вы? - слышался голос в трубке.

- Да, это Пол.

- Это Девятый. Слышите меня? Это Девятый, подтвердите.

“А я буду Девятым, - вспомнил он торжественное заявление министра Квинна. Можно было подумать, тот возомнил себя библейским пророком. - Я, конечно, не Альфа - эти позывные закреплены за зданием, где будет находиться объект. Bravo - позывные нашего местоположения. А Девятый - позывные для меня, вашего командира. Я буду поддерживать с вами связь посредством засекреченного телефона, в то время как остальные члены оперативной команды смогут общаться с вами через ПРП, что расшифровывается как «персональный радиопередатчик»”.

- Слышу вас хорошо, Девятый.

- Вы уже на месте? Да? Отвечайте кратко.

- Да.

- Хорошо. В точности опишите, что вы сейчас видите.

- Мы смотрим вниз на побережье, прямо на дома. Обзор отличный.

- “Мы” - это кто?

- Джеб, я и еще трое.

Министр замолчал, затем слышались приглушенные голоса.

– Вы не знаете, почему Аладдин все еще в ресторане? – вновь заговорил министр.

– Они слишком поздно приступили к ужину. Мы считаем, что он уйдет с минуты на минуту. Других сведений нет.

– А Игрока все не видно? Вы в этом уверены?

– Да, он пока не появлялся. Абсолютно точно.

– Даже если вам покажется... Даже если вы заметите какой-то мельчайший признак того, что он...

Разговор опять прервался. Это у Квинна такая манера речи или ПРП так работает?

– Сообщите мне немедленно, – продолжил министр. – Поняли? Мы видим то же, что и вы, но не так четко. А у вас – очки ночного видения. Да? У вас ведь очки ночного видения, – сказал явно раздраженный задержкой министр, – вы его видите, как днем!

– Да, совершенно верно. Как днем.

Дон поднял руку, призывая всех замолчать.

В центре города сквозь пробки пробивался минивэн с шашечками таксиста на крыше. Внутри был лишь один пассажир, на заднем сиденье. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этот крупный, бойкий мужчина – Аладдин, поляк, вызывавший такое отвращение у Эллиота. Как и в ресторане, Аладдин прижимал к уху мобильник и оживленно жестикулировал свободной рукой.

Вдруг камера, снимавшая машину, закрутилась во все стороны, мигнула и погасла. Инициативу перехватил вертолет, направивший на минивэн столп света. Камера преследователей заработала снова. В верхнем левом углу мигал значок, изображавший мобильник. Джеб передал Полу наушник. Разговаривали

два поляка, то и дело перемежая беседу взрывами хохота. Левая рука Аладдина, видимая в заднем стекле машины, описывала невероятные траектории. Мужские жизнерадостные голоса сменил голос переводчицы, явно не одобрявшей происходящее:

– Аладдин говорит со своим братом Йозефом из Варшавы, – сухо начала она. – Вульгарные типы. Обсуждают подружку Аладдина, ту самую женщину с корабля. Ее зовут Имельда. Аладдин говорит, что она ему надоела – слишком много болтает. Он собирается ее бросить. Приглашает Йозефа в Бейрут. Говорит, что оплатит ему поездку из Варшавы. Если Йозеф приедет в Бейрут, Аладдин познакомит его с девушками, которые будут счастливы с ним переспать. А сам Аладдин едет к своему другу – очень особенному, как он утверждает. К женщине, которая ему очень нравится. Она-то и заменит Имельду. Она не такая хмурая, и характер у нее более покладистый. И очень красивая грудь. Аладдин даже подумывает купить ей квартиру в Гибралтаре – хорошая новость для налоговой. Аладдин прощается, говорит, ему пора. Его ждет подружка, которая от него без ума. Он велел, чтобы она открыла ему дверь совершенно голой. Желает Йозефу спокойной ночи, вешает трубку.

Пару секунд все молчали, совершенно ошарашенные. Потом заговорил Дон:

– У него нет времени на перепахон! – с негодованием прошипел он. – Даже у него!

Ему вторил такой же разъяренный Энди:

– Такси свернуло не туда. Куда они едут и за каким хреном, спрашивается?

– На перепахон время всегда есть, – заметил Коротышка. – Если уж Борис Беккер успел обрюхатить телочку в раздевалке между сетями, то и Аладдин вполне может позволить себе оттянуться на пути к своему дружочку Игроку. Почему нет?

В чем они были правы, так это в том, что такси поехало явно не туда: вместо того чтобы свернуть направо, к тоннелю, минивэн ушел влево, обратно к центру города.

– Он знает, что мы за ним следим, – не веря своим глазам, простонал Энди. – Вот ведь дерьмо.

– Или же просто передумал, – предположил Дон.

– Чтобы думать и передумывать, нужны мозги, а их у него нет. Он же тупой, как пробка, – добавил Коротышка.

Монитор вдруг посерел, потом побелел, а затем окрасился в похоронный черный цвет:

СИГНАЛ ВРЕМЕННО ПОТЕРЯН

Все дружно уставились на Джеба, который, понизив свой и так негромкий голос, мягко говорил в микрофон на груди:

– Эллиот, ты чего натворил? Мы-то думали, что Аладдин слишком жирный, чтобы так легко потерять его из вида.

Его голос, прерывистый и с помехами, эхом отозвался в передатчике Дона.

Послышались слова Эллиота, тихие, быстрые и недовольные:

– Там у них по пути пара жилых комплексов с подземными парковками. Нам кажется, что он заехал туда и пересел с одной машины на другую. Мы его ищем.

– Значит, он и впрямь понял, что мы у него на хвосте, – отметил Джеб. – Не лучший вариант, а, Эллиот?

– Может, понял, а может, решил на всякий случай перестраховаться. Будьте так любезны, отцепитесь от меня, понятно?

– Эллиот, если он в курсе, мы все расходимся по домам. Если они о нас узнали, мы не полезем прямо в их ловушку. Нет уж, спасибо. Мы для таких развлечений уже слишком старые.

В ответ донеслись лишь помехи.

– Эллиот, а ты, случаем, не поставил жучка прямо на такси, а? – вновь заговорил Джеб. – Потому что, знаешь, он мог и поменять машину. Я слышал, такое бывает, и очень даже часто.

– Иди ты в жопу, – отозвался Эллиот.

Коротышка, яростный защитник Джеба, отодвинул в сторону микрофон:

– Когда закончим операцию, я с Эллиотом поговорю, – пообещал он. – Ух, поговорю. Вежливо и очень спокойно. Засуну его тупую южноафриканскую башку прямо ему в задницу. Да, Джеб?

– Может, и засунешь, Коротышка, – тихо ответил Джеб, – а может, и нет. Так что, будь добр, заткнись уже.

* * *

Монитор мигнул и вернулся к жизни. Машин на дороге ночью было совсем мало. Над брошенным минивэном уже не нависал столп света из вертолета. У Пола вновь зазвонил его шпионский мобильник.

– Пол, может, вы там видите что-то, чего нам не видать? – вкрадчиво спросил министр.

– Я не знаю, что вы видите, Девятый. Мы слышали, как Аладдин разговаривал со своим братом, потом внезапно свернул не туда и скрылся. Мы все тут порядком озадачены.

– Мы тоже. Уж поверьте, черт вас побери.

Мы? Интересно, что это за “мы”. Номера Восьмой и Десятый? Это они шепчут там министру что-то на ухо? Передают ему записочки, пока он тут выговаривает мне по телефону? Убеждают сменить курс и начать все сначала? Может, там сидит сам мистер Джей Криспин, всемогущий корпоративный владыка и властелин

разведки?

- Пол, вы тут? – слышался голос министра.

- Да, Девятый.

- У вас же там мониторы. Скажите мне, что вы видите, и незамедлительно.

- Мы не можем понять, догадался ли Аладдин, что его преследуют, или нет, – ответил Пол и, подумав, добавил: – И поехал ли он к своей новой местной подружке вместо того, чтобы отправиться к Игроку, – радуясь уверенности, с которой говорит, закончил он.

В ответ слышался какой-то шум. Шорохи, щелчки. Опять тот же самый шептун.

- Пол?

- Да, Девятый.

- Подождите, не отключайтесь. Тут со мной кое-кто хочет поговорить.

Пол ждал. “Кое-кто” – это один человек или несколько?

- Так, проблема решена, – вновь во весь голос заговорил министр Квинн. – Аладдин не собирается – повторяю, не собирается – ехать на свидание к кому бы то ни было. Это абсолютно достоверная информация, понимаете? Звонок к брату был ширмой, дымовой завесой. Он звонил, чтобы подтвердить встречу с Игроком. Мужчина на другом конце телефона – не брат Аладдина, а посредник Игрока. – Квинн прервался, чтобы выслушать очередную подсказку со стороны своих невидимых советчиков. – Его связной, – уточнил министр. – Да, это был связной Аладдина, – повторил он.

Он опять куда-то пропал. Неужели снова советоваться? Или это просто ПРП дурит, не оправдывая всех комплиментов в свой адрес?

- Пол! – позвал министр.

- Да, Девятый.

- По сути, Аладдин просто сообщил Игроку, что уже едет. Подтвердил встречу. Мы получили эти сведения от своего информатора. Будьте добры, передайте это Джебу и его команде.

Пол успел лишь пересказать полученные данные Джебу, как Дон вновь взмахнул рукой, призывая всех замолчать.

- Второй монитор, дом номер семь. Камера, что глядит в сторону моря. В окне на первом этаже горит свет.

- Пол, сюда, - позвал его Джеб.

Сам Джеб сидел на корточках возле Дона. Скрючившись между ними, Пол вглядывался вдаль, пытаясь понять, где же горит пресловутый свет. На первом этаже одного из домов плясали огоньки - но это было всего лишь отражение огней стоящих неподалеку кораблей. Стянув очки, Пол прищурился, стараясь разглядеть в приближении, что же там происходит.

Неверный огонек, вытянутый, словно пламя свечи, передвигался по комнате. Было видно, что огонек держит чья-то белая призрачная рука. К работе подключились камеры на берегу. Огонек зажегся снова. В свете уличных фонарей с натриевыми лампами рука теперь казалась совсем оранжевой.

- Так что же, он, получается, уже внутри? - первым заговорил Дон. - Дом номер семь, первый этаж. Светит то ли факелом, то ли фонарем - электричества-то нет. - Дон, похоже, и сам не верил в то, что говорил.

- Может, там Офелия завелась? - предположил Коротышка. - Бродит в ночнушке, собирается утопиться в море.

Джеб стоял, выпрямившись - насколько это позволял невысокий потолок их убежища. Он стянул шлем вниз, на шею. В призрачном зеленом свете он, с разукрашенным камуфляжной краской лицом, выглядел совсем старым.

- Да, Эллиот, мы тоже это видели. Хорошо, хорошо, согласен, там кто-то есть. Кто - это уже другой вопрос, как я понимаю.

Ему показалось или их передатчики и впрямь выходят из строя? В наушнике раздавался голос Эллиота, перемежаемый помехами:

- Джеб, ты тут? Джеб, отвечай.

- Слушаю тебя, Эллиот.

У Эллиота вдруг проявился сильный южноафриканский акцент:

- Пока указания такие: ситуации присваивается красный код, команда должна быть готова к немедленным действиям. Мне поступил приказ перевести основные ресурсы из центра и перебросить их на слежку за Альфой. Все подъезды к Альфе будут под наблюдением наших людей в припаркованных грузовиках. В нужное время ваша команда выдвинется и начнет действовать.

- Это кто так сказал?

- Таков план - в конце операции команды с моря и суши объединятся. Джеб, ты что, головой ушибся и забыл, что тебе приказали делать?

- Эллиот, мы оба прекрасно знаем, что мне велено было делать, - с момента начала операции приказы не изменились. Найти объект, обезвредить, и дело с концом. Но мы так и не нашли Игрока. Мы всего-то видели непонятный огонек. А обезвредить его не получится, пока мы не будем уверены, что нашли именно его и у нас не будет ПИ.

ПИ? Пол не любил сокращения, но это расшифровал быстро: "позитивная идентификация".

- Поэтому закончить операцию мы не сможем и объединиться с другой командой - тоже, - все тем же размеренным и спокойным голосом говорил Джеб. - Во всяком случае, пока я не дам на это добро. Как-то не хочется палить друг по другу в полной темноте, знаешь ли. Пожалуйста, подтверди, что ты меня хорошо слышишь и все понял. Эллиот? - позвал он.

Эллиот не отвечал, и на связь вышел Квинн.

- Пол? В доме номер семь виден свет. Вы его заметили? У вас очки надеты?

- Да, надеты, и да, заметил.

- Только один раз?

- По-моему, два, но не очень отчетливо.

- Это Игрок, - заявил Квинн. - Он приехал и теперь сидит там, в седьмом доме. Это он держал в руке факел и ходил по дому. Вы ведь видели его руку? Видели, без всяких сомнений видели. Мы все ее видели.

- Да, руку мы и впрямь углядели, но кому она принадлежит, пока не установлено, - ответил Пол. - Мы все еще ждем приезда Аладдина, местонахождение которого не известно, равно как и то, собирается он сюда ехать или нет. - И, поймав взгляд Джеба, добавил: - Нам нужны доказательства того, что в доме находится именно Игрок.

- Пол?

- Слушаю вас, Девятый.

- Нам надо подумать, переиграть план действий. Вы пока следите за домами, особенно за седьмым. Это приказ, понимаете меня?

- Да.

- Если заметите что-то необычное или странное, что-то, что упустили камеры, немедленно мне сообщите, - голос Квинна то утихал, то вновь звучал во всю силу. - Вы прекрасно справляетесь, Пол, и ваше усердие не останется незамеченным. Передайте это Джебу. Это приказ.

Несмотря на ободряющий тон Квинна, атмосфера в укрытии была безрадостной. Исчезновение Аладдина беспокоило всех в команде. Конечно, Эллиот поменял дислокацию всех своих воздушных камер, но они пока рыскали по городу без

особого успеха, кидаясь к каждой брошенной машине в надежде найти там Аладдина. Наземные камеры все так же показывали причал, въезд в туннель и пустую в этот час прибрежную дорогу.

- Ну, давай, уродец, покажись! – призывал Аладдина Дон.

- Гаденышу некогда, – заметил Энди.

“Помните, Пол, что Аладдин, можно сказать, водонепроницаем, – говорил Эллиот у себя в кабинете в Паддингтоне. – И мы не можем даже пальцем его тронуть. Он ни в коем случае не должен пострадать – это единственное условие поставил мистеру Криспину его весьма ценный осведомитель. Мистер Криспин пообещал ему это, а он всегда держит свое слово”.

- Динамщик, – бросил Дон и, углядев что-то, поднял обе руки.

По дороге ехал мотоциклист, вихляя и светя передней фарой то влево, то вправо. Вместо шлема – черно-белая куфия, обмотанная вокруг шеи. Правой рукой он держал руль, а левой – что-то, очень похожее на черный пакет. Мотоциклист, худощавый и поджарый, весело размахивал пакетом и всюду старался привлечь к себе внимание. Куфия скрывала нижнюю часть его лица. Проехав примерно половину домов на побережье, он вскинул правую руку, словно отдавая кому-то честь.

Он уже домчался до конца съездной дороги и, похоже, собирался направиться на юг, к побережью, как вдруг резко повернул, перегнулся через руль и, дав по газам, рванул в сторону испанской границы. Куфия развевалась и летела вслед за ним.

Но кому нужен обезумевший мотоциклист в куфии, когда вдруг выясняется, что его черный пакет лежит темной кляксой, похожей на сливовый пудинг, на дороге прямо напротив дома номер семь?

* * *

Камера подъехала поближе к пакету. Картинка на мониторах стала четче.

Пакет оказался обычным черным мусорным мешком, перевязанным то ли веревкой, то ли бечевкой. Мусорный мешок. А внутри... Футбольный мяч? Или чья-то голова? Или бомба? Завидев такой подозрительный пакет где-нибудь на вокзале, люди обычно сообщают кому надо. Или не сообщают, если очень уж стеснительные.

Камеры соперничали друг с другом за самый выгодный ракурс. Снимки с неба сменялись крупными планами наземных объективов и кадрами камер, летавших с пугающей скоростью вдоль ряда домов. В море зашумел, снижаясь, вертолет, словно пилот хотел прикрыть и защитить главный корабль. Позади Джеб тихо уговаривал кого-то по телефону:

– Это всего лишь пакет, не больше и не меньше, – мягко и настойчиво, как истинный валлиец, говорил он. – Эллиот, мы ничего о нем не знаем. Не знаем, что внутри, не слышим, тикает ли он, не можем унюхать, чем он пахнет. Он не испускает зеленый дым, из него не торчат провода или антенны. Может, этого паренька мама попросила мусор вынести, а он решил похулиганить? Нет, Эллиот, мы не будем этого делать. Нет уж, благодарю покорно. Пусть лежит, где лежит. Раз его тут бросили, значит, для чего-то он нужен. Вот мы и будем ждать этого “чего-то”. Точно так же, как ждем Аладдина.

Интересно, это Эллиот замолчал или в связи опять помехи?

– Может, там его грязное бельишко? – шепотом предположил Коротышка.

– Нет, Эллиот, этого мы делать не будем, – повторил Джеб куда более жестким голосом. – Я тебе еще раз повторю: мы не собираемся “рассматривать поближе” этот пакет. Мы вообще с этим мешком взаимодействовать не собираемся, понятно? Вполне возможно, именно этого от нас и ждут: хотят, чтобы мы вышли на белый свет, показали, что мы здесь. А мы этого демонстрировать не хотим, верно? Уж на такую фигню мы не купимся, Эллиот. Просто из чувства собственного достоинства.

Опять тишина. На этот раз Джеб выслушивал Эллиота куда дольше.

– Мы же договорились, – наконец, со сверхчеловеческим терпением в голосе, заговорил Джеб. – Ты забыл? Мы спускаемся, как только наземная команда зафиксирует объект – не раньше. Вы с ребятами подплываете с моря, и мы

вместе сообщая заканчиваем работу. Таков был уговор. Ты держишь под контролем море, мы – сушу. И заметь – пакет лежит на земле, а не плывет по волнам. Объект пока не обезврежен, так что я не испытываю ни малейшего желания наблюдать, как обе наши команды входят в неосвещенное здание с двух сторон, не зная, кто и что их там ждет. Ты все понял, Эллиот, или мне повторить?

– Пол? – послышался голос в трубке.

– Слушаю вас, Девятый.

– А что лично вы думаете по поводу этого пакета? Вы сочли аргументы Джеба убедительными?

– Ну, если у вас нет другой информации, Девятый, то я пока склонен согласиться с Джебом, – почтительно, но твердо ответил Пол, перенеяв этот тон у Джеба.

– Возможно, так они хотели предупредить Игрока о нашем присутствии. Такая мысль не приходила вам в голову?

– Уверен, что эта мысль пришла в голову не только мне, но и остальным членам нашей команды. Впрочем, вполне может быть, что пакет – знак для Аладдина, сигнал, что путь свободен. Или что путь закрыт. Гадать можно до бесконечности. Слишком уж много вероятностей, – заявил он и добавил: – Учитывая обстоятельства, я считаю, что Джеб занял очень верную и здравую позицию.

– Не смейте читать мне лекции. Ничего не предпринимайте, пока я с вами не свяжусь.

– Ну разумеется.

– Никаких “разумеется”! – взбесился министр.

Воцарилась тишина. Не было слышно ни помех, ни взволнованного дыхания. Тишина все тянулась и тянулась, а Пол все крепче прижимал к уху трубку.

* * *

– Да ну вашу же мать! – вскрикнул вдруг Дон.

Впятером они вновь прильнули к проему. Из туннеля, сверкая фарами, выехал автомобиль с высокими бортами и на полной скорости помчался к домам. Наверное, это спешащий на встречу Аладдин. Как выяснилось, нет. Машиной оказался синий джип “Тойота” – уже без таблички “Конференция” под лобовым стеклом. Съехав с прибрежной трассы, он направился прямо к черному пакету на дороге.

На ходу дверь отъехала в сторону, и показался очкастый Ханси за рулем и еще кто-то – судя по всему, Кирсти. Девушка высунулась в дверь и, крепко держась за поручень, потянулась за пакетом. С громким хлопком закрылась дверь. Водитель дал по газам, джип помчался на север и вскоре скрылся из виду. Сливовая клякса пакета на дороге исчезла.

Первым заговорил Джеб, спокойный, как никогда.

– Эллиот, это твоих людей мы сейчас видели? Это они подобрали пакет? – спрашивал он. – Эллиот, нам надо поговорить, отвечай. Ты ведь меня слышишь? Так ответь, пожалуйста, и объясни, что произошло. Эллиот?

– Девятый? – позвал Пол.

– Да, Пол?

– Судя по всему, люди Эллиота только что подобрали пакет, – он очень старался говорить так же невозмутимо, как и Джеб. – Девятый, вы меня слышите?

Девятый ответил с запозданием и весьма резко:

– Мы приняли решение, вот и все. Кто-то же должен был это сделать, верно? Доведите это до сведения Джеба – мы все решили предпринять необходимые меры.

Девятый вновь пропал. Зато в полный голос заговорил Эллиот. Он беседовал с какой-то женщиной, чей голос с австралийским акцентом звучал приглушенно, издали. Эллиот же громко и торжественно передавал ее слова:

– Что, что, Кирсти? В пакете были продукты? О, спасибо. Внутри оказалась упаковка копченой рыбы – слышишь, Джеб? Хлеб. В виде лепешек. Что еще? Вода. Газированная, в бутылке. Как раз такую любит Игрок. Еще шоколад – молочный. Кирсти, спасибо большое, и не клади, пожалуйста, трубку. Джеб, ты все услышал? Наш дорогой ублюдок все это время провел в доме, а дружки его подкармливали. Мы заходим в дом, Джеб. Мне уже передали такой приказ, и я намерен его выполнить.

– Пол? – позвал его мужской голос, но звал не министр Квинн, также известный как Девятый, а Джеб – пол-лица у него закрывала черная ткань, на фоне которой его бледно-зеленые глаза казались почти белыми, как у старого шахтера. – Не надо бы нам делать этого, Пол, – сказал он ему все так же невозмутимо. – Охота на призраков в полной тьме – не лучшая идея. Эллиот даже не представляет, насколько это плохая идея. И мне кажется, ты со мной согласишься.

– Девятый?

– Ну что еще стряслось? Они же в дом уже заходят, что у вас теперь за проблемы?

Джеб смотрел на Пола. Коротышка смотрел на Пола – через плечо Джеба.

– Девятый?

– Что?

– Вы попросили меня быть вашими глазами и ушами. И я, Девятый, вынужден вам сообщить, что согласен с Джебом. У нас нет ни малейших оснований начинать операцию.

Пол не смог понять, было ли наступившее молчание преднамеренным или опять начала дурачить техника. Джеб коротко ему кивнул, Коротышка криво усмехнулся – подсмеивался то ли над Квинном, то ли над Эллиотом, то ли вообще над всей

этой ситуацией. Наконец министр вновь вышел на связь:

– Он там, мать вашу за ногу! – рявкнул он и опять затих. – Пол, – прорвался он сквозь помехи, – слушайте меня внимательно. Это приказ. И мы, и вы – все видели мужчину в арабском одеянии. Это Игрок! Он там, сидит в доме! А мальчишка просто привез ему еду и воду. Что еще Джебу нужно, Господи ты боже мой?

– Девятый, Джебу нужны доказательства. Он говорит, что этой информации недостаточно. И я склонен с ним согласиться.

Джеб вновь ему кивнул, чуть резче, чем в предыдущий раз. Его поддержал Коротышка, а затем и остальные члены команды. Светлые на фоне черных подшлемников глаза четырех мужчин внимательно следили за Полом.

– Девятый?

– Вы что, все там сдурели и решили ослушаться приказа?

– Можно я скажу?

– Только быстро!

Каждое его слово записывалось. Поэтому он хорошенько подумал, прежде чем открыть рот:

– Девятый, по моему мнению и зрелому размышлению, мы имеем дело с некоторым количеством ничем не подтвержденных предположений. Джеб и его команда – опытные ребята. И они считают, что в данных обстоятельствах выдвигаться нельзя. И я, будучи вашим представителем, должен признать, что они правы.

Отдаленные голоса на другом конце провода затихли, и в очередной раз повисла тягостная тишина. Наконец Квинн заговорил, нетерпеливо и раздраженно:

– Вы забыли, что Игрок не вооружен? Таков был его уговор с Аладдином. Они встречаются без оружия, один на один. Игрок – крупнейший и богатейший

бандит, для поимки которого в других условиях нам понадобились бы невероятные усилия, а тут он сидит практически беззащитный, а мы ничего не делаем! Пол?

- Слушаю вас, Девятый.

Слушать-то он его слушал, но смотрел при этом, как и все остальные мужчины, на монитор слева. На строгий контур главного корабля. На тень около борта. На надувную шлюпку, плоской тряпочкой лежащую на волнах. На восьмерых человек, пригнувшихся на борту.

- Пол, позовите Джеба. Джеб, вы слышите меня? Вы оба, Пол и Джеб, слушайте меня очень внимательно. Вы поняли?

Они поняли.

- Слушайте меня, - повторил министр в очередной раз. - Если ребята с моря заберут объект и переведут его на корабль, за предел территориальных вод, прямо к жаждущим его допросить молодчикам, а вы в это время будете прохлаждаться на холмике, как это, по-вашему, будет выглядеть? Джеб, мне, конечно, говорили, что вы тот еще выпендрожник, но вы просто подумайте, какой шанс упускаете!

Шлюпка скрылась из поля зрения камер. Разрисованное лицо Джеба за подшлемником походило на древнюю маску войны.

- Ну, Пол, что на такое ответишь, верно? Пожалуй, что и ничего, - тихо сказал он.

Но Пол, к своему удивлению, дара речи вовсе не лишился. Он еще не все сказал, что мог, и, не задумываясь, обратился к министру:

- При всем моем к вам уважении, Девятый, вынужден признать, что оснований для начала операции наземной командой я не вижу. Собственно, как наземной, так и морской.

Кажется, никогда в жизни он еще не сталкивался с таким бесконечным молчанием. Джеб сидел на корточках спиной к Полу и рылся в вещмешке. Остальные стояли чуть поодаль. Один из мужчин – Пол не разглядел, кто, – склонил голову и, кажется, молился. Коротышка стянул перчатки и по очереди облизывал пальцы. Можно было подумать, что приказ министра они восприняли на каком-то ином, мистическом уровне.

– Пол?

– Да, сэр.

– Попрошу вас заметить, что я не являюсь полевым командиром этой операции. Как вам известно, все решения по военной части входят в сферу ответственности старшего солдата. Тем не менее я вправе дать вам рекомендации. Передайте их Джебу, пожалуйста. Опираясь на опыт многих уважаемых сотрудников разведки, я рекомендую вам – но ни в коем случае не приказываю – немедленно приступить к выполнению операции “Дикая природа”. Разумеется, окончательное решение за вами.

Но Джеб, уловивший интонацию министра и не пожелавший выслушивать его нотации, уже собрался и вместе с товарищами растворился во тьме.

* * *

То снимая, то надевая очки ночного видения, он вглядывался во тьму, безуспешно пытаясь различить Джеба или кого-нибудь из его команды.

Первый монитор передавал картинку шлюпки, подплывающей к берегу. Волны бились о камеру, черные прибрежные камни становились все ближе.

Второй монитор не работал.

Пол перешел к третьему – на нем был дом номер семь.

Входная дверь закрыта, окна – темные, с раздвинутыми шторами. Никакого призрачного огонька не видно и в помине. Из шлюпки тем временем по очереди, помогая друг другу, выбрались восемь мужчин в черной одежде и масках. Двое

сразу опустились на колени и принялись целиться куда-то выше камеры. Еще трое прошли мимо камеры и исчезли из поля зрения.

Экран переключился на прибрежную дорогу и пролетел мимо дверей домов. Дверь седьмого номера была открыта. Рядом с ней темнела вооруженная фигура. Такая же фигура проскользнула внутрь, за ней – еще одна, повыше. Коротышка, понял Пол.

Камера повернулась как раз вовремя, чтобы поймать в кадр Джеба, который вперевалочку, чисто шотландской походкой спускался по освещенной каменной лестнице к пляжу. Сквозь вой ветра донеслись странные щелчки, как будто кто-то вздумал вдруг поиграть в домино: щелк, щелк. И тишина. Полу показалось, что он слышал крик, но он так напрягал слух, что вскоре уже не был уверен, почудилось ему это или нет. Наверное, ветер. Или соловей. Нет, скорее всего, сова.

Фонари около лестницы погасли, вслед за ними потухли и оранжевые лампы, освещавшие выезд на шоссе. И, словно в едином с ними порыве, отключились два оставшихся монитора.

Сначала он никак не мог смириться со случившимся. Натянул очки, затем снял, потом опять надел. В зеленоватом свете фонарика принялся стучать по клавишам, надеясь вернуть к жизни мониторы. Бесполезно.

Где-то зарычал двигатель. Впрочем, не факт, что это была машина. Вполне возможно, лиса или та самая шлюпка. Он вытащил телефон и нажал единицу для быстрого вызова Квинна. В ответ донеслись лишь помехи. Выбравшись из укрытия, он наконец выпрямился во весь рост и начал разминать плечи, вдыхая свежий ночной воздух.

Из туннеля на высокой скорости вылетела машина. Погасив фары, водитель припарковался на обочине прибрежного шоссе. Прошло десять минут. Двенадцать. Ничего и никого. Наконец из темноты донесся голос Кирсти, выкрикивающей его имя. Затем появилась и она сама.

– Что там случилось? – тут же спросил Пол.

Кирсти втолкнула его обратно в укрытие.

– Миссия выполнена. Все в полном восторге. Уже делят медали, – ответила она.

– А что Игрок?

– Я же сказала – все в полном восторге, чего тут непонятно?

– Значит, взяли его? И уже перевели на главный корабль?

– Давай-ка уматывай отсюда и перестань задавать вопросы. Я отведу тебя к машине, машина отвезет тебя в аэропорт, как и договаривались. Самолет уже ждет. Все отлично, операция прошла по плану. Но нам надо ехать.

– С Джебом все в порядке? А с его ребятами? Все целы?

– Целы, здоровы и счастливы.

– А куда все эти штуковины денутся? – спросил он, показывая на металлические коробки и компьютеры.

– И трех секунд не пройдет после нашего отъезда, как все отсюда исчезнет без малейшего следа. Все, пошли.

Они и так уже шли, спотыкаясь и скользя. На них набрасывался ветер с моря, а шум двигателей кораблей был даже громче его завываний.

Из кустов со злобными воплями вылетела крупная птица, похожая на орла.

Потом Пол упал, споткнувшись об очередную сломанную сеть, и от верной гибели его спасли лишь плотные заросли кустарника.

А затем как-то неожиданно они оказались на пустом прибрежном шоссе, усталые, но ничуть не пострадавшие.

Ветер утих, и начался дождь. Возле “Тойоты” припарковалась вторая машина, из которой вылезли двое мужчин в ботинках и спортивных костюмах. Кивнув Кирсти и не обратив внимания на него, они быстрым шагом пошли вверх по

холму.

- Мне нужны очки, - сказала Кирсти.

Он вернул ей очки.

- У тебя остались с собой какие-нибудь бумаги - карты, документы, все, что угодно?

У него ничего не осталось.

- Все прошло гладко, понятно? Никаких жертв. Мы отлично сработали. И ты тоже. Понятно?

Ответил ли он ей "понятно" в ответ? Это уже было неважно. Даже не взглянув на него, Кирсти отправилась догонять двух мужчин.

2

Солнечным воскресным утром той же весны за столиком маленького итальянского кафе в Сохо в полном одиночестве сидел британский сотрудник дипслужбы тридцати одного года от роду и собирался с духом, перед тем как решиться на шпионаж, узнать кто о котором с карьерой и свободой ему пришлось бы тут же распрощаться. Он намеревался пробраться в личный кабинет министра Короны, которому он должен был служить верой и правдой, и забрать оттуда кассету, записанную недавно им же самим.

Его звали Тоби Белл, и на всем белом свете ни один человек не знал о том, что же он замышляет. Он не действовал по указке злого гения, провокатора, денежного мешка, безумного активиста в лыжной маске или коварного манипулятора, поджидающего его за углом с портфелем, полным стодолларовых бумажек. Он был ожившим ночным кошмаром нашего современного мира: одиноким человеком, самостоятельно принявшим решение. Он ничего не знал о грядущей секретной операции в Гибралтаре. Напротив, именно полное неведение и привело его туда, где он находился.

Ни характером, ни внешностью он на преступника не походил. Даже сидя и обдумывая план своих преступных действий, он выглядел таким, каким его видели все коллеги и начальники – порядочным, старательным, взъерошенным и порой амбициозным интеллигентом. Тоби вовсе не отличался красотой – плотный и крепко сбитый, он, впрочем, мог похвастать буйной каштановой шевелюрой, игнорирующей любые его попытки усмирить ее с помощью расчесок и гелей. Все признавали, что Тоби – человек надежный и серьезный. Одаренный, хорошо образованный, он был единственным ребенком набожных родителей родом с южного побережья Англии, которые не признавали никаких партий, кроме лейбористской. Отец Тоби был священником местного молельного дома, а мать, пухлая жизнерадостная женщина, без конца говорила об Иисусе. Тоби не без труда удалось найти работу клерка в министерстве иностранных дел. К своему хорошему нынешнему месту он шел долго, постоянно посещая вечерние и языковые курсы, проходя бесчисленное множество внутренних экзаменов и двухдневных тестов на лидерство. Что же касается имени – Тоби, – которое позволило ему занять более высокую позицию на социальной лестнице, чем предполагало его провинциальное происхождение, им мальчика наградила отец, держа в уме святого Тобиаса, славного почтительным отношением к своим родителям.

Что же до сих пор двигало Тоби, что заставляло его сердце биться быстрее? Сам он знал это всегда. Все его школьные приятели мечтали зарабатывать кучу денег. Ну и пусть. Тоби же хотел изменить мир к лучшему – хотя из скромности никогда об этом не заявлял. Вместо этого он говорил экзаменаторам, что хочет в числе других граждан помочь родной стране найти свое место в мире, пережившем и империализм, и Холодную войну. Учитывая его незаурядные способности, он давно мог бы стереть с лица земли британскую образовательную систему с ее частными школами, избавиться от жалких остатков правовой системы и отправить монархию куда подальше. Но он не был анархистом, хоть и лелеял иногда втайне от всех такие мысли. В первую очередь Тоби был старательным человеком и понимал, что главная его цель – добиться невиданных высот в системе, о либерализации которой он мечтал.

Речь у Тоби, который в данный момент ни с кем, кроме самого себя, диалога не вел, со временем тоже поменялась. Его отец любил декламировать стихи, а сам Тоби всегда интересовался иностранными языками. Именно поэтому он, прекрасно сознавая, что акцент с потрохами выдает в нем провинциала, втайне от всех упорно избавлялся от своего дорсетширского картавого говора и вскоре заменил его безличным и нейтральным английским, столь любимым многими

англичанами, для которых это единственный способ скрыть неблагородное происхождение, стоящее на пути к успеху.

Решил он переменить и внешность – тоже слегка, едва заметно. Понимая, что сегодня ему придется пройти через ворота министерства иностранных дел, изображая из себя беззаботного менеджера, он решил надеть легкие слаксы и мягкий черный пиджак, расстегнул две верхние пуговицы рубашки и не стал повязывать галстук.

И даже знакомые Тоби никогда не подумали бы, что всего два часа назад его бросила девушка, с которой они жили вместе последние три месяца. Она ушла из их квартиры в Ислингтоне, поклявшись, что больше никогда к нему не вернется. Но даже это печальное событие не сломило Тоби. Если между уходом Изабель и его подготовкой к преступлению и была связь, то неясная. Он, конечно, частенько долгие часы лежал ночью без сна, раздумывая о своих проблемах, которыми никак не мог с ней поделиться. Прошлой ночью они и впрямь немного поговорили. Обсудили, не расстаться ли им. Впрочем, такие разговоры в последнее время стали нормой, и Тоби предположил, что утром Изабель, как всегда, передумает. Но в этот раз она твердо решила уйти. Они не ругались, не плакали. Он вызвал такси, она собрала вещи. Когда машина приехала, он помог ей отнести вниз чемодан. Она переживала из-за шелкового костюма, который на днях отнесла в чистку. Он забрал у нее квитанцию и пообещал переслать костюм, как только тот будет готов. Изабель была бледной и, уходя, ни разу не оглянулась. Но вот промолчать и не сказать последнего слова она не смогла:

– Тоби, надо сказать, ты хладнокровный, как лягушка, – заявила она и уехала, скорее всего, к сестре в Саффолк.

Правда, Тоби подозревал, что у Изабель на примете есть парочка запасных аэродромов, в том числе брошенный ею недавно муж.

Сам Тоби, все такой же спокойный, отправился в кафе выпить кофе и съесть круассан – своеобразная прелюдия перед грандиозным преступлением века. Так он и сидел, потягивая капучино, греясь на солнышке и бездумно глядя на проходящих мимо пешеходов. Если я такой хладнокровный, как же вышло, что я ввязался в эту ужасную авантюру?

Пытаясь ответить на этот вопрос, он по привычке обратился в мыслях к Джайлзу Окли, своему обаятельному наставнику и самозваному покровителю.

* * *

Берлин.

Новоявленный дипломат Белл – второй секретарь отдела внешней политики – только что прибыл в британское посольство, чтобы получить направление на свою первую заграничную командировку. Тогда как раз разгоралась война в Ираке. Британия поддержала США, хоть сначала и не хотела в этом признаваться. Германия со своим отношением к войне еще не определилась. Начальником Тоби был Джайлз Окли, серый кардинал посольства, шустрый, ехидный, выдавший виды. В обязанности Окли, помимо прочего, входил надзор за сотрудниками британской разведки, работающими в Германии. Тоби же был его верным оруженосцем. По-немецки Тоби говорил уже очень неплохо, проявив незаурядные способности к языкам. Окли взял его под опеку, водил по министерствам и распахивал перед ним двери, в которые без него Тоби, сотрудник весьма низкого ранга, стучался бы еще очень долго. Были ли Джайлз и Тоби шпионами? Ни в коем случае! Они оба – представительные и амбициозные британские дипломаты, которые вдруг обнаружили, что высоко котируются на мировом рынке разведывательных служб, как и многие их коллеги.

Вот только чем глубже Тоби погружался в жизнь множества посольств, тем больше рос его ужас из-за грядущей войны. Он считал ее аморальной, незаконной, омерзительной. Его отвращение подпитывало и то, что он знал: даже самые ленивые из его школьных приятелей вышли на улицы, чтобы протестовать против войны. Как и его родители, которые, будучи честными христианами и социалистами, искренне верили, что дипломаты должны предотвращать войны, а не развязывать их. В отчаянии мать Тоби даже послала ему электронное письмо, в котором писала, что Тони Блейр, ее идол и кумир, предал их всех. Отец, суровый методист, обвинял Блейра и Буша в грехе гордыни и сравнивал их с парочкой павлинов из притчи, которые так любили глядеться в зеркало, что превратились в стервятников.

Учитывая, сколько неодобрительных голосов доносилось до Тоби, нет ничего удивительного в том, что и он сам вовсе не рвался воспевать прелести войны

людям – а в особенности, немцам. Когда-то он сам искренне верил Тони Блейру и голосовал за него, но теперь все выступления премьер-министра казались ему отвратительной ложью. Ну а когда ему объявили о запуске операции “Освобождение Ирака”, он не выдержал.

Дело происходило в дипломатическом доме Окли в Грюнвальде. Очередная нудная и тяжелая встреча – Herrenabend, что в переводе с немецкого означает “вечер в компании холостяков”, – подходила к концу. В Берлине Тоби обзавелся хорошими приятелями-немцами, но сегодня их не было среди присутствующих. Зато за столом сидел зануда министр федерального правительства, фабрикант из Рура, страдающий манией величия, а также претендент на трон династии Гогенцоллернов и квартет парламентариев, не упускающих шанса вкусно попить и поесть на халяву. Наконец все гости потянулись к выходу. Жена Окли Гермiona была за ним замужем с незапамятных времен. Во время встречи она попивала джин и присматривала за кухней, теперь же поднялась наверх, в спальню.

Тоби и Джайлз отправились в гостиную, чтобы там обсудить прошедший вечер, и внезапно Тоби не выдержал:

– А пошло оно все куда подальше! – провозгласил он и бабахнул стаканом с выдержанным кальвадосом по столу.

– “Оно” – это что? – поинтересовался похожий на пожилого лепрекона Окли, вытягивая коротенькие ножки, как делал всегда в стрессовых ситуациях.

Он с непоколебимой любезностью выслушал все претензии Тоби и чуть ли не с нежностью произнес ядовитейшую тираду:

– Давай, Тоби, вперед. Увольняйся. Я полностью поддерживаю твои незрелые суждения – нехорошо, когда независимую страну вроде нашей втягивают в войну под каким-то глупым предлогом, тем более когда это делает парочка эгоистичных фанатиков, не имеющих абсолютно ничего общего. Разумеется, мы ни в коем случае не должны призывать другие независимые страны последовать нашему столь позорному примеру. Так что уходи, уходи. В “Гардиан” тебе будут рады – как же, очередная заблудшая овечка, тихо блеющая в чаше. Если не согласен с политикой правительства – не стоит работать чиновником и пытаться что-то изменить. Просто плюнь на все и уходи. Напиши книжку, ты ведь всегда

об этом мечтал.

Но Тоби так легко с толку не собьешь.

– Ну а где во всей этой ситуации твое место, Джайлз? – спросил он. – Ты ведь и сам был против этой войны, я прекрасно помню. Когда пятьдесят два отставных посла подписали петицию, возражая против войны, ты тяжело вздохнул и сказал, мол, как жаль, что ты еще не на пенсии. Мне что, ждать, пока мне стукнет шестьдесят, прежде чем я смогу высказать свое мнение? Пока мне не дадут рыцарское звание, не присвоят индексированную пенсию и не назначат президентом местного гольф-клуба? Что это вообще такое, Джайлз, верность родине или просто трусость?

Окли мягко улыбнулся и стал похож на Чеширского кота.

– Ты спрашиваешь, где мое место? – медленно заговорил он. – Я тебе отвечу. За столом переговоров. Всегда. Я пресмыкаюсь, я спорю, убеждаю, умасливаю, надеюсь. Но я никогда ничего ни от кого не жду. Дипломатический догмат об умеренности во всем для меня свят, и я всегда придерживаюсь его, даже обсуждая самые отвратительные преступления любой нации, включая свою собственную. Все свои эмоции я оставляю перед дверью конференц-зала и никогда не выхожу оттуда раздраженным или злым – если только мне не было велено изобразить злость или гнев. Я вообще-то даже горжусь тем, что все делаю в полсилы. Иногда – как, например, сейчас, – я позволяю себе осторожненько высказать свое “фе” по отношению к дорогому начальству. Но я не тот человек, чтобы пытаться за день перестроить Вестминстерский дворец. Да и ты не пытайся – если не хочешь, конечно, прослыть напыщенным идиотом.

И, пока Тоби собирался с мыслями, Джайлз добавил:

– Кроме того, позволь сказать тебе кое-что, раз уж мы тут с тобой наедине. Моя драгоценная супруга Гермiona сказала – а ее словам доверять можно, она ведь в курсе абсолютно всех берлинских дипломатических сплетен, – что тебя видели откровенно флиртующим с женой голландского военного атташе, той еще потаскушкой. Правда это или как?

Спустя месяц Тоби внезапно перевели в британское посольство в Мадриде, где кому-то зачем-то срочно понадобился младший атташе с опытом работы в

министерстве обороны.

* * *

Мадрид.

Несмотря на большую разницу в возрасте и социальном статусе, Тоби и Джайлз по-прежнему поддерживали тесную связь. За счет ли закулисных интриг Окли или по чистой случайности, Тоби не знал. Одно было ясно: Окли, как это часто бывает со многими пожилыми людьми, увидел в Тоби неоперившегося птенца и решил взять его под крылышко.

В то время между Лондоном и Мадридом шел как никогда оживленный и важный для обеих стран диалог. Но теперь службы интересовал не Саддам Хусейн с его призрачным оружием массового уничтожения, а новое поколение джихадистов, появившееся из-за нападения Запада на страну, еще недавно бывшую самым светским государством на Ближнем Востоке. Но такую горькую правду защитники агрессивной политики проглотить не могли.

И потом дуэт Тоби и Джайлза продолжал свою работу. В Мадриде Тоби стал важнейшей фигурой в мире разведки – это произошло как-то само собой, и он ничуть не противился. Каждую неделю он летал в Лондон, где Окли метался между шпионами Королевы на одном берегу реки и министерством иностранных дел на другом.

В закрытых на сто замков подземных катакомбах Уайтхолла они вели сверхсекретные беседы, обсуждая новые правила ведения боевых действий, пока другие сотрудники тщательно прощупывали возможных заключенных-террористов. Несмотря на невысокий ранг Тоби, его допускали на эти встречи. Окли был председателем. Слово “усиление”, когда-то имевшее отношение только к физическим законам, вновь вошло в обиход, но точное его значение в среде разведки оставалось тайной для непосвященных, в число которых входил и Тоби. Впрочем, свои соображения на этот счет у него все же были. Может, так называемые новые правила ведения боевых действий на самом деле – те же варварские старые, только чуть отполированные да приукрашенные? И если он прав – а он был уверен, что прав, – то какая же разница в моральном плане

между человеком, который прикладывает электроды к приговоренному на казнь, и тем, что сидит за столом в кабинете и делает вид, будто ничего не происходит, хотя на самом деле все прекрасно понимает?

Но, когда Тоби так и не смог ответить на этот вопрос, опираясь на собственную совесть и воспитание, и изложил его – чисто умозрительно, разумеется, – Джэйлзу за ужином в уютном клубе, где они собрались, чтобы отметить повышение и перевод Тоби в Каир, Окли, от которого ничего не скроешь, лишь сочувственно улыбнулся и прикрылся цитатой обожаемого Ларошфуко:

– Лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели, мой дорогой. Мы живем в несовершенном мире и, боюсь, ничего не можем с этим поделать.

Тоби улыбнулся в ответ и в очередной раз строго сказал себе, что надо уже как-то научиться идти на компромиссы. В последнее время слова “мой дорогой” частенько проскальзывали в речи Окли и служили очередным подтверждением его теплого отношения к молодому протеже.

* * *

Каир.

Тоби Белл – любимчик британского посольства, это все знают. Всего полгода интенсивных курсов арабского, а он уже почти свободно на нем говорит! Он умеет ладить с египетскими генералами и никогда не высказывает свое незрелое мнение – фраза, когда-то брошенная Окли, намертво въелась в голову Тоби. Он старательно трудится на ниве, где чуть ли не случайно стал экспертом; обменивается опытом с египетскими коллегами и изредка по инструкции скармливают им имена исламистов, живущих в Лондоне и мечтающих обрушить режим правящей партии Египта.

По выходным Тоби наслаждался поездками на верблюдах в компании учтивых военных и тайных полицейских и веселился на безумных вечеринках в охраняемых кондоминиумах столь же безумно богатых египтян. А вечером, пофлиртовав с их гламурными дочерьми, Тоби ехал домой, плотно закрыв окна

машины, чтобы не пропустить в салон вонь горящего пластика и тухлой еды, исходившую от безбрежной стихийной помойки на берегу города, где копались в поисках пищи дети и их замотанные в хиджабы матери.

Но кто же следил за бойкой прагматичной торговлей человеческими судьбами, сидя в Лондоне? Кто посылал теплые письма главе тайной полиции Мубарака? Разумеется, не кто иной, как Джайлз Окли, единственный и неповторимый, посредник и всесильный серый кардинал разведывательных служб.

В общем, никто – кроме, может, самого Белла – не удивился, когда он получил приказ о переводе в Лондон и внеурочном повышении, и это несмотря на сложную обстановку в Египте, которая с каждым днем накалялась все сильнее. Противостояние Мубарака с “Братьями-мусульманами” выливалось в ожесточенные стычки, становившиеся все более кровавыми с приближением выборов, до которых оставалось четыре месяца. А Тоби получил пост личного секретаря, а по совместительству телохранителя и советника нового младшего министра иностранных дел Фергуса Квинна, члена парламента, еще недавно трудившегося в министерстве обороны.

* * *

– Как мне кажется, вы – идеальная пара, – сказала во время фуршетного обеда в Институте современного искусства Диана, руководитель региональной службы, уплетая сэндвич с тунцом. Диана – хрупкая и хорошенькая англо-индианка, чей английский делал честь империалистически настроенным пенджабским офицерам прошлого. Застенчивая улыбка скрывала железную волю и жесткий характер. Где-то вне работы у нее был муж и двое детей, но она никогда не упоминала о них в офисе.

– Вы оба молоды для своих постов – ну да, он на десять лет тебя старше, но все равно, – и чертовски амбициозны, – заявила она, не подумав, что такое описание прекрасно подходит и ей самой. – И помните, что внешность обманчива. Он – тот еще громила из рабочих кварталов, но при этом бывший католик, бывший коммунист и поклонник новой платформы лейбористов, ну или того, что от них осталось, после того как их возлюбленный лидер отправился на поиски пастбища пожирнее. – Диана сделала паузу, чтобы сосредоточенно поглотить очередной кусок сэндвича.

– Фергус ненавидит идеологию и считает себя воплощением прагматизма. Разумеется, ненавидит тори, хотя сам зачастую куда правее многих из них. У него на Даунинг-стрит много поклонников и покровителей, причем не только среди власть имущих, но и среди политтехнологов и членов двора. Фергус – их любимчик, и они будут держаться за него до последнего. Он, конечно, чересчур ориентирован на американцев, но если Вашингтон от него в восторге, то нам-то чего жаловаться? Он недолюбливает Евросоюз, это сомнению не подлежит. Не любит нас, презренный планктон, но кто из политиков испытывает к нам теплые чувства? А уж когда он начинает разглагольствовать на тему БoТa (так в их кругах называли план борьбы с терроризмом), ты за ним следи, – продолжила Диана. – Все эти его речи – ужасное дурновкусие, и не мне тебе рассказывать, как это злит нормальных приличных арабов. Ему уже говорили, чтобы он завязывал со своими сентенциями. В общем, твое задание такое: приклеиться к нему, как банный лист, и следить, чтобы он больше нигде не напакостил.

– А он где-то и до этого напакостил? – спросил Тоби, до которого уже доходили кое-какие слухи по сарафанному радио Уайтхолла.

– Не обращай внимания, – велела Диана, энергично прожевав еще один кусок. – Если бы мы судили политиков по их поступкам и не-поступкам, нам давно пришлось бы выгнать взащей половину кабинета.

Тоби продолжал вопросительно на нее смотреть.

– В общем, он там повел себя, как идиот, и ему довольно серьезно надавали по рукам. Но это в прошлом. Дело закрыто. – Подумав, Диана добавила: – во всей этой истории удивительно только то, что министерству обороны чуть ли не впервые в жизни удалось замять грандиозный скандал. – Заявив это, Диана дала понять, что громкие слухи официально объявлены почившими в бозе и похоронены. И только за кофе она вновь вернулась к этой теме – провела эксгумацию и повторное захоронение:

– Ты учти, что и министерство обороны, и министерство финансов тогда провели тщательнейшее расследование – без дураков, без всякого миндальничанья, и анонимно заключили, что Фергус к тем проблемам не имел ни малейшего отношения. Самое большее – совершил проступок, наслушавшись своих идиотов-советников. По мне, так звучит вполне достоверно, надеюсь, что и тебе так кажется. Чего это ты так на меня смотришь? – удивилась Диана.

Тоби смотрел на нее совершенно нормально и обычно – только никак не мог избавиться от мысли, что уж слишком она любит рубить правду-матку.

* * *

Тоби Белл, свеженазначенный личный секретарь свеженазначенного министра, взял в свои руки бразды правления кабинетом Квинна. Конечно, будь его воля, он не выбрал бы себе в наставники Фергуса Квинна, изгнанника-блейрита новой эпохи Гордона Брауна. Фергус был единственным ребенком в почтенном семействе инженеров, выходцев из Глазго, переживавших не лучшие времена. Еще студентом Фергус влился в движение левых – возглавлял марши протеста, бился с полицией и частенько попадал в газеты. Окончив экономический факультет университета Эдинбурга, он растворился в тумане шотландской лейбористской партии. Три года спустя непонятным образом объявился в Школе государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди в Гарварде, где познакомился со своей будущей женой – богатой, но несчастливой канадкой. Фергус вернулся в Шотландию, где его уже дожидалось тепленькое местечко. Партийные имиджмейкеры быстро пришли к выводу, что его супругу электорату показывать нельзя – поговаривали, что она пьет.

С кем бы ни обсуждал Тоби своего босса, отзывы он слышал весьма неоднозначные. “Сообразительный, но если ему что надо, в миг тебя урлет”, – так охарактеризовал новенького выдавший виды ветеран министерства обороны, взяв с Тоби слово, что тот никому об этом не расскажет. Бывшая помощница Фергуса Люси говорила, что он “очень мил и обаятелен, когда ему это нужно”.

– А когда не нужно? – не удержался и спросил Тоби.

– Тогда он полностью уходит в себя, – нахмурилась и отвела взгляд девушка. – И борется там со своими демонами.

Но что это за демоны и как проходит борьба, Люси сообщить отказалась.

Тем не менее на первый взгляд ничто не предвещало особых сложностей.

Ну да, Фергус Квинн не отличался легким характером, но Тоби другого и не ждал. Фергус вел себя то как последний болван, то вдруг становился

здравомыслящим умницей, из раздражительного сквернословя превращался в чуткого и деликатного неженку, то наускакивал на Тоби, требуя от него всего и сразу, то запирался в кабинете за толстой дверью красного дерева, захватив пачку документов. И все это за каких-то полдня. Фергус был прирожденным грубияном и забиякой и не скрывал широко разрекламированного прессой презрения к чиновникам. Его острый, злой язык не щадил никого, даже самых близких ему людей. Но больше всего в Уайтхолле доставалось разведывательной службе, раскинувшей повсюду свои щупальца. Ее Фергус называл чрезмерно раздутой, неоправданно элитарной и тщеславной кучкой идиотов, ослепленных собственной загадочностью, ими же самими и выдуманной. Такое отношение оказалось особенно некстати, учитывая то, что команда Квинна была обязана “оценивать все поступающие материалы разведки из всех источников и давать рекомендации по использованию данных материалов всеми подходящими службами”.

Что же касается того самого скандала в министерстве обороны, о котором говорить было не принято... Как Тоби ни пытался что-нибудь о нем разведать, он каждый раз наткнулся на непробиваемую стену молчания, возведенную якобы для его же блага: “Извини, друг, дело закрыто... нет-нет, приятель, считай, тут я дал обет молчания”. И лишь однажды ему удалось разговорить хвастливого клерка финансового отдела за пятничным пивом в “Шерлоке Холмсе”: “Он же у нас устроил грабеж среди бела дня и вышел сухим из воды, да?” Но только после разговора с весьма неприятным типом Грегори, по случайности севшим рядом с Тоби во время нуднейшего понедельничного совещания комитета по набору и управлению кадрами, он ощутил серьезную, неподдельную тревогу.

Грегори, неуклюжий толстяк, который выглядел старше своих лет, был ровесником Тоби и предполагаемым соперником на карьерной лестнице. Но по факту все вокруг знали и помнили, что в любом задании или поручении, где сталкивались эти двое, всегда побеждал, хоть и с незначительным отрывом, Тоби. Возможно, так оно было и во время недавней борьбы за пост личного секретаря нового младшего министра. Правда, сплетники министерства однозначно постановили, что на этот раз никакой борьбы не было вовсе.

Грегори два года стажировался в министерстве обороны, практически каждый день пересекаясь с Квинном, в то время как Тоби был абсолютно, девственно чист – он ни в каких таких связях замечен не был.

Совещание, оказавшееся безрезультатным, подошло к концу, и зал опустел. Тоби и Грегори по молчаливому соглашению остались сидеть за столом. Тоби счел это удобной возможностью наладить отношения, Грегори был настроен не столь дружелюбно:

– Ну, как там тебе король Ферги? Нормально ладите? – спросил он.

– Нормально. Спасибо, что спросил, Грегори. Не все идеально, конечно, но в общем и целом порядок. Ну а как живется постоянному дежурному[5 - Постоянный дежурный – старший дипломатический сотрудник министерства иностранных дел, осуществляющий дежурство в нерабочее время, праздники и выходные.]? Наверное, полно забот, да?

Но Грегори не собирался обсуждать тяготы жизни постоянного дежурного – эту должность он считал куда ниже поста личного секретаря нового министра.

– Ну, смотри только, чтобы он тихой сапой мебель из кабинета не загнал по дешевке, – посоветовал он, невесело усмехнувшись.

– А что, за ним такое водится? Сдается мне, сбыть его новенький стол будет нелегко – не представляю, как он будет тащить его на три этажа вниз, – ответил Тоби, стараясь держать себя в руках.

– А участием в каком-нибудь сверхприбыльном бизнесе он тебя еще не соблазнял?

– Он тебе и такое предлагал?

– Ну уж нет, дружище, – почти искренне ответил Грегори. – Меня на такое не купишь. Я остался чист. Но таких, как я, единицы. А вот многие дурачки повелись.

И тут терпение Тоби внезапно лопнуло – такое в компании Грегори происходило с ним довольно часто.

– Грегори, можно поинтересоваться, ты что всем этим пытаешься мне сказать? – рявкнул он. Но Грегори лишь лениво улыбнулся в ответ: – Если ты пытаешься

меня о чем-то предупредить и если я о чем-то должен знать, так давай говори или иди плачься кадровикам.

Грегори сделал вид, будто обдумывает его предложение.

– Ну, если и есть что-то такое, что тебе необходимо знать, ты всегда можешь побеседовать со своим ангелом-хранителем Джайлзом, не так ли, дружище? – наконец вкрадчиво ответил он.

* * *

Чувство самодовольной целеустремленности переполняло Тоби. Даже оглядываясь назад, пока он сидел за шатким столиком на солнечной улочке в Сохо, Тоби не мог внятно объяснить, почему же он все-таки решился на эту аферу. Может, просто уязвленная гордость? От него что-то скрывали, его не допустили в круг избранных, знавших истину. Учítывая то, что Диана велела ему прилепиться к новому начальнику, как банный лист, и следить, чтобы тот больше не “напакостил”, он был уверен, что имеет полное право знать, как же босс “пакостил” в прошлом. По мнению и опыту Тоби, политики были типичными рецидивистами. Если Фергус Квинн вновь преступит черту, Тоби придется держать ответ: как же так вышло, что его начальник сорвался с поводка?

Ну а что касается издевательского предложения Грегори обратиться за помощью к “ангелу-хранителю” – тому не бывать. Если бы Джайлз хотел, чтобы Тоби о чем-то знал, Джайлз сам бы ему это рассказал. А раз уж Джайлз молчит, значит, будет и дальше держать рот на замке, что бы ни случилось.

Но кое-что Тоби все-таки беспокоило, заставляло копать все глубже и глубже. Нелюдимость его начальника достигала поистине патологических масштабов.

Зачем, скажите, пожалуйста, такой общительный и открытый на первый взгляд человек запирается на весь день в своем кабинете, включает на полную катушку классическую музыку и отгораживается не только от внешнего мира, но и от собственных подчиненных? И что находится внутри пухлых, дважды опечатанных воском конвертов, исписанных чьей-то рукой, которые приносят Квинну из недр Даунинг-стрит и которые он, получив и прочитав, тут же возвращает доставившему их курьеру?

От Тоби скрывали не только прошлое Квинна. От него скрывали и его настоящее.

* * *

Первым делом он отправился к Мэтти, профессиональному шпиону, собутыльнику и бывшему коллеге из мадридского посольства. В настоящее время Мэтти не работал, дожидаясь, когда из министерства, расположенного по ту сторону реки в районе Воксхолл, придет приказ о его переводе на какое-то новое место. Может, маясь вынужденным бездействием, он будет поразговорчивее, чем обычно. По каким-то загадочным причинам (Тоби подозревал, что это связано со шпионской деятельностью Мэтти) его приятель был еще и членом лондонского клуба по сквошу “Лэнсдаун”, что близ Баркли-Сквер. Там-то они и встретились, чтобы сыграть партию в сквош. Мэтти – лысый долговязый очкарик со стальным рукопожатием – обыграл Тоби со счетом 4:1. Приняв душ после игры, они уселись в баре около бассейна и принялись глазеть на симпатичных девиц в купальниках. Обменявшись парой малозначительных фраз, Тоби перешел к сути дела:

– Мэтти, на тебя моя последняя надежда. Расскажи мне, что же стряслось у оборонщиков, когда мой министр был там за рулем?

Мэтти медленно закивал вытянутой головой, немножко напоминавшей козлиную:

– Хорошо. Вот только я не очень-то много и знаю, – мрачно предупредил он. – Твой босс крупно облажался, наши люди его прикрыли, и он нам этого не простил – вот и все. Тот еще идиот этот твой министр.

– Как прикрыли, Мэтти?

– Любит он в гордом одиночестве действовать, вот что, – неодобрительно сказал Мэтти.

– Как действовать? Что он вообще наделал, а?

– Ну, – Мэтти почесал лысую голову. – Понимаешь, это не мое поле. Я не очень-то в этом разбираюсь.

– Я понимаю, Мэтти, понимаю и принимаю. Я и сам в оборонных делах не секу. Но я должен знать – я же его помощник!

– Все эти проклятые лоббисты и торговцы оружием все время пыхтят, пытаются решить проблемы оборонной промышленности и снабжения, – пожаловался Мэтти, как будто Тоби мог понять смысл этой размытой фразы и знал, в чем там проблема.

Тоби, конечно, был не в курсе, поэтому выжидательно посмотрел на друга.

– У них же корочки, – продолжил Мэтти. – И это чуть ли не самое ужасное во всей ситуации. Помахивая удостоверением, они обдирают министерство финансов, подкупают чиновников, подкладывают им девочек по вызову, оплачивают поездки на Бали. Превращают частные закрытые компании в открытые, и наоборот. С пропуском министерства все возможно. А у них у всех такие удостоверения.

– А Квинн, значит, тоже запустил свой хобот в эту кормушку? Я правильно тебя понял?

– Я ничего такого не говорил, – осторожно ответил Мэтти.

– Да-да, я понял. Мы вообще с тобой это не обсуждали. Выходит, Квинн – вор. И это все? Ну, может, он и не сам воровал, а просто перераспределял деньги в пользу организаций, от которых сам имел какой-то процент. Или не он сам, а его жена. Или кузен, или родная тетушка. И это все? Его поймали, он возместил ущерб, покался, и обо всем благополучно забыли. Я прав?

Под дружный хохот друзей в бассейн с разбега шлепнулась хорошенькая девушка.

– Тут у нас крутится один тип, Криспин. Слышал когда-нибудь о нем? – в шуме и гвалте тихо проговорил Мэтти.

– Нет.

– Ну, я тоже о нем ничего не слышал и буду благодарен, если ты этот факт запомнишь. Криспин. Скользящий ублюдок. Избегай его всеми силами.

– Просто так или есть причина?

– Ничего особенного. Мы его пару раз привлекали к работе, но потом отказались от его услуг. Выбросили, как раскаленную головешку. Предположительно, именно он водил за нос твоего товарища, когда тот трудился у оборонщиков. Это все, что мне известно. Вполне возможно, что это все вранье. А теперь оставь меня в покое.

И с этими словами Мэтти отвернулся и обратил свой жадный взор на обворожительных девиц у бассейна.

* * *

Как это частенько бывает, единожды услышав имя Криспина от Мэтти, Тоби уже никак не мог выкинуть его из головы.

На вечеринке секретариата министерства он уловил разговор двух начальников, тихо беседовавших в углу:

– Кстати, – шептал один, – ты не знаешь, что в итоге случилось с этим говнюком Криспином?

– Видел его недавно в палате лордов, ходил там как ни в чем не бывало. Ни стыда, ни совести.

Тоби подошел ближе, и мужчины мгновенно принялись обсуждать крикет.

На закрытии межведомственной конференции о работе разведки, проходившей в сотрудничестве с их заклятыми друзьями, как нынче было принято выражаться, имя Криспина обзавелось инициалом.

– Будем надеяться, вы не поступите с нами, как Джей Криспин, – бросила руководитель одного из отделов министерства внутренних дел своей

ненавистой коллеге – руководительнице такого же отдела в министерстве обороны.

Интересно, Джей – это инициал имени? Или само имя и есть, как у Джея Гетсби, положим?

Проведя полночи в обнимку с “Гуглом”, пока Изабель ворочалась одна в кровати, Тоби так и не узнал ответа на этот вопрос.

Надо попробовать связаться с Лорой, решил он.

* * *

Пятидесятилетняя Лора – гуру в министерстве финансов, душа любой компании и прекрасный друг. Шумная, необычайно талантливая, щедрая и жизнерадостная. Когда она без всякого предупреждения заявила в британское посольство в Берлине, чтобы провести внеурочный аудит, Джейлз Окли велел Тоби “накормить ее ужином и обаять так, чтоб у нее туфли с ног слетели”. Что Тоби и сделал – конечно, не в буквальном смысле, но все же. Он так тщательно подошел к выполнению этого задания, что их совместные ужины стали доброй традицией без всякого на то указания Окли.

К счастью, сейчас была очередь Тоби вести подругу в ресторан. Он заказал столик в любимом заведении Лоры возле Кингс-роад. Как всегда, она заявила на ужин разряженной, точно павлин, – надела широченный, летящий по воздуху кардиган, нацепила множество разных бус и браслетов и брошку с камеей размером с блюдце. Лора любила рыбу, так что Тоби заказал им двойную порцию сибаса, запеченного в соли, а к нему – хорошее дорогое мерсо. Узнав это, Лора пришла в полный восторг и, взмахнув руками, принялась трясти браслетами, словно готовилась пуститься в пляс.

– Чудненько, Тоби! И очень вовремя! – воскликнула она так громко, что ее радостный голос прокатился по ресторану, словно грохот от пушечного выстрела. Немного смутившись, она заговорила гораздо тише:

– Ну, как тебе Каир? Аборигены, случаем, не штурмовали посольство, требуя насадить твою башку на кол? Я не смогла бы там работать, тряслась бы все

время от ужаса. В общем, выкладывай все как на духу.

После рассказа о Каире она потребовала в подробностях описать Изабель – Лора считала себя кем-то вроде личного психотерапевта Тоби и хотела знать все о его жизни.

– Значит, она очень милая и очень красивая дурочка, – выслушав Тоби, подвела она итог. – Ведь только дурочки выходят замуж за художников. Ну а что касается тебя... Ты никогда не видел разницы между умом и красотой. Наверное, не видишь и сейчас. В общем, считаю, что вы – идеальная пара, – заключила Лора, в очередной раз громко расхохотавшись.

– Ну а как там поживает самое важное и святое место нашего государства, министерство финансов? – мягко поинтересовался Тоби. Личную жизнь Лоры они не обсуждали за неимением таковой.

Круглое лицо Лоры омрачилось:

– Все плохо, мой дорогой, – грустно ответила она. – Мы там все умные и славные, но людей у нас мало, а зарплаты – смешные. А еще мы все трудимся во славу нашей родины, а это нынче не модно. Новые лейбористы любят своих корпоративных спонсоров, а у тех под рукой – армии бессовестных адвокатов и бухгалтеров, которые на все готовы ради денег. И им эти деньги платят, да еще какие. Мы им не конкуренты. Мы слишком большие и неповоротливые – не можем ни развалиться окончательно, ни сражаться как надо. Ну вот, я тебя расстроила. Да и себя тоже, – сказала Лора и сделала большой глоток.

Официант подал рыбу. Пока он тщательнейшим образом освобождал ее от костей и разделывал, над столом стояла полная тишина.

– Ну и зрелище, – выдохнула восторженно Лора.

Они принялись за еду. Надо действовать, решил Тоби.

– Лора, – начал он.

– Да, дорогой.

– А кто такой Джей Криспин? И что значит “Джей” – это имя или инициал? Когда Квинн работал в министерстве обороны, там случился какой-то скандал, и, говорят, в нем был замешан Криспин. Я то и дело натыкаюсь на это имя, но мне никто ничего не рассказывает, и меня это, честно сказать, пугает. А однажды я даже слышал, как кто-то сказал, что Криспин – Свенгали[б - Свенгали – главный персонаж одноименного фильма компании “Уорнер Бразерс” 1931 года выпуска, злой чародей, который околдовывает юную красавицу Трилби.]для Квинна.

Лора внимательно посмотрела на Тоби своими ясными глазами, затем отвела взгляд, только чтобы через мгновение вновь взглянуть на него, словно ее не очень устроило то, что она увидела.

– Ты поэтому меня на ужин позвал?

– Отчасти.

– Не отчасти, а целиком, – поправила Лора, тяжело вздохнув. – Мог бы повести себя, как приличный человек, и сразу честно сказать, зачем меня сюда привел.

Наступила пауза, во время которой они оба собирались с мыслями.

– Тебе никто ничего не рассказывает по одной-единственной причине, – продолжила Лора. – Потому что ты и не должен ничего знать. Фергусу Квинну дали возможность начать все с чистого листа, и ты – часть этого плана.

– Не забывай, что я еще и его помощник, – вскинулся Тоби, храбро глядя Лоре в глаза.

Та опять вздохнула, посмотрела на него мрачно и затем отвела взгляд.

– Ладно, – сказала она наконец. – Я кое-что тебе расскажу. Не все, что я знаю, но гораздо больше, чем должен знать ты.

Она выпрямилась и заговорила, уставившись в тарелку, словно наказанный ребенок.

Придя в министерство обороны, Квинн оказался в том еще болоте. Министерство начало гнить изнутри задолго до его появления. Возможно, Тоби это и так знает? Тоби знал. Чуть ли не половина чиновников уже и сами не понимали, служат они королеве или производителям оружия. Впрочем, их это не волновало – им же платили, да еще как. Возможно, Тоби это и так знает? Тоби знал. Все это он уже слышал от Мэтти, но не стал говорить Лоре. Та нисколько не обеляла Фергуса. Но Криспину нужен был человек вроде него, и он его дождался.

Лора взяла Тоби за руку и принялась похлопывать его ладонью по столу, словно отстукивая ритм для собственных слов:

– Я скажу тебе, что сделал этот злодей, – сердитым голосом говорила она. – Он завел себе шпионский магазинчик! Прямо в министерстве. Пока все вокруг якшались с оружейниками, он торговал информацией: свеженькими разведданными с полочки, напрямую покупателю, без всяких посредников. Сырыми данными, заметь – непроверенными, неподтвержденными, нетронутыми множеством бюрократических рук. Настоящая музыка для ушей Фергуса. Он до сих пор слушает музыку в кабинете?

– Да, в основном Баха.

– А Криспина зовут Джей, – невпопад сказала Лора, отвечая на заданный раньше вопрос.

– И что, Квинн покупал у него информацию? Сам? Или через свою компанию?

Лора пригубила еще вина и покачала головой.

– А сведения-то были стоящие?

– Ну, продавал он их дорого, так что, наверное, не ерунда какая-то.

– А вообще, какой он? – спросил Тоби.

– Кто, твой министр?

– Да нет, Джей Криспин, конечно.

Лора снова глубоко вздохнула.

– Послушай меня, дорогой, и послушай внимательно, – сухо, даже зло сказала она. – Тот скандал давно в прошлом. Джея Криспина и на пушечный выстрел не подпустят ни к одному министерству или государственному учреждению. Ему пригрозили чуть ли не смертью – даже послали официальное письмо с предупреждением. Он никогда больше не попадет внутрь Уайтхолла или Вестминстерского дворца. – Еще один вздох. – А талантливый министр, коему ты имеешь честь служить, немножко пострадал, конечно, но тем не менее благополучно взобрался на очередную ступеньку карьерной лестницы. Как понимаю, не без твоей помощи. Ну а теперь, может, оставишь меня в покое?

Всю следующую неделю Тоби мучился угрызениями совести. Это, впрочем, не мешало ему вновь и вновь задавать себе один и тот же вопрос: если скандал в министерстве обороны давно в прошлом и Криспина категорически запретили показываться в Уайтхолле и Вестминстере, то какого черта он делал в палате лордов?

* * *

Миновало шесть недель. На первый взгляд все шло, как обычно. Тоби писал речи выступлений, Квинн с твердой верой в истинность этих слов зачитывал их публике – хотя верить там было особо не во что. Тоби стоял за плечом Квинна на приемах и подсказывал ему имена подходивших для рукопожатия иностранных гостей. Квинн приветствовал их, как старых добрых друзей.

Но скрытность и параноидальность Квинна постепенно доводила до ручки не только Тоби, но и весь штат министерства. Он внезапно уходил с совещаний в Уайтхолле – собирали ли их министерство внутренних дел, секретариат или казначейство – и, не обращая внимания на служебную машину, ловил такси и исчезал без всяких объяснений на целый день. Он отменял дипломатические встречи, не предупреждая ни секретарей, ни советников, ни даже личного помощника. Он сам записывал какие-то встречи в свой личный ежедневник, но держал его на столе и заполнял таким почерком, что Тоби никогда не мог разобрать его без помощи самого Квинна. А однажды ежедневник исчез, чтобы уже больше никогда не появиться в кабинете.

Но совсем уж странным поведение Квинна становилось в заграничных поездках, куда он брал и Тоби. Отвергая гостеприимство местных британских послов, Квинн предпочитал останавливаться в крупных отелях. На все возражения бухгалтерии министерства иностранных дел он заявлял, что будет платить за проживание из своего кармана. Тоби это немало удивляло, ведь он знал, что Квинн, как и многие богачи, удивительно прижимист.

А может, расходы Квинна брал на себя какой-то тайный благодетель? И именно поэтому Квинн за все отели расплачивался отдельной кредиткой, которую судорожно прятал, стоило Тоби подойти ближе?

Но чтобы он ни делал – в его команде все равно уже вовсю орудовало свое собственное привидение.

* * *

Брюссель.

Вернувшись в шесть часов вечера в отель после бесконечных переговоров с чиновниками из НАТО, Квинн, сославшись на головную боль, отменил ужин в британском посольстве и скрылся у себя в номере. В десять часов Тоби, занимавшийся весь вечер самокопанием, решил, что он должен позвонить министру в номер и справиться о его самочувствии. Трубку никто не брал. На двери номера висела табличка “Не беспокоить”. Помявшись еще немного, Тоби спустился в вестибюль и обратился к консьержу. Из номера доносились какие-нибудь звуки? Может, министр заказывал ужин в номер, просил принести ему аспирин или даже позвать врача? Последнее предположение вполне могло быть правдой – Квинн был жутким ипохондриком.

Консьержа эти вопросы очень удивили:

– Месье министр покинул отель на своем лимузине ровно два часа назад! – воскликнул он на бельгийском французском.

Теперь уже удивился Тоби. На своем лимузине? У Квинна не было никакого лимузина. Лимузин был у посла – “Роллс-Ройс”, но от него Тоби отказался по

просьбе самого Квинна.

Может, Квинн все-таки решил отправиться на ужин в посольство? Консьерж отважился вставить словечко:

- Месье, министр уехал не на "Роллс-Ройсе". Это был "Ситроен", а шофер - мой хороший знакомый.

Вложив двадцать евро в руку консьержу, Тоби попросил его рассказать о произошедшем подробнее.

- С удовольствием, месье, - ответил тот. - Черный "Ситроен" остановился у входа в отель ровно в тот момент, когда месье министр вышел из центрального лифта. Возможно, ему сообщили о прибытии автомобиля по телефону. Два джентльмена пожали друг другу руки, вышли из отеля и уехали на машине вместе.

- Второй мужчина вылез из машины, чтобы встретить министра? - уточнил Тоби.

- Да, с заднего сиденья черного седана. Я совершенно уверен, что он был пассажиром, а не кем-нибудь из прислуги.

- Вы можете описать этого джентльмена?

Консьерж замялся.

- Он был белый? - нетерпеливо спросил Тоби.

- Абсолютно белый, месье.

- Старый?

Консьерж предположил, что джентльмен был примерно такого же возраста, что и сам месье министр.

- Вы его видели тут раньше? Может, он у вас останавливался?

– Никогда, месье. Позвольте предположить, что это был один из коллег министра, возможно, дипломат.

– Какой он? Толстый, худой, высокий?

– Как вы, но немного старше, – подумав, ответил он. – И волосы чуть короче, месье.

– Вы не слышали, на каком языке они разговаривали?

– На английском, месье, самом настоящем английском.

– И у вас нет ни малейшей идеи, куда они могли направиться? Может, вы слышали, как они это обсуждали?

Консьерж подозвал посыльного, щекастого черного конголезца в красной форме и плоской шапочке. Посыльный, как выяснилось, прекрасно знал, куда уехал министр:

– В ресторан “Райское яблоко”, который рядом с дворцом. Три мишленовские звезды. Grande gastronomie! [7 - Великолепная кухня! (фр.)]

Вот тебе и головная боль с тошнотой, подумал Тоби.

– Почему вы так уверены, что они поехали именно туда? – спросил он у посыльного, который чуть ли не подпрыгивал на месте, так ему хотелось оказаться полезным.

– Да он же сам велел водителю отвезти их туда! Я все слышал!

– Кто именно разговаривал с шофером? И что конкретно он сказал?

– Джентльмен, который встретил вашего министра. Я как раз закрывал дверь, когда он сел рядом с водителем и сказал: “Вези нас в «Райское яблоко»”. Прямо так и сказал, месье, клянусь!

Тоби повернулся к консьержу:

– Вы, кажется, говорили, что этот мужчина сидел на заднем сиденье. А тут получается, что он уселся рядом с водителем. Возможно, этот джентльмен был кем-то вроде телохранителя?

Но маленький конголезец не собирался уступать сцену и быстро вмешался:

– Месье, но это само собой разумеется! Они же не могли сидеть втроем на заднем сиденье! Тем более что там расположилась эта элегантная дама. Это было бы невежливо с их стороны.

Дама, с отчаянием подумал Тоби. Только этого мне не хватало.

– И что же это была за дама? – подмигнув, спросил Тоби, которому на самом деле было не до шуток.

– О, такая стройненькая и обворожительная, месье, очень интересная. Такую мимо не пропустишь.

– А сколько этой даме лет, как вам показалось?

– Зависит от того, на какую часть тела дамы смотреть, – бесстрашно улыбнувшись, ответил посыльный и убежал, прежде чем консьерж успел открыть рот, чтобы как следует его отругать.

Но на следующее утро, когда Тоби постучался к министру, якобы чтобы тот ознакомился с подборкой лестных его эго британских статей, которые накануне скачал из интернета, он не заметил в номере ни юной девушки, ни зрелой дамы. Прежде чем министр выхватил у него распечатки и захлопнул перед его носом дверь, сквозь мозаичное стекло двери, ведущей в гостиную, Тоби успел разглядеть мужчину, сидевшего за столом. Элегантного и осанистого мужчину среднего роста в хорошем темном костюме и галстук.

Как вы, но немного старше. И волосы чуть короче, месье.

* * *

Прага.

К удивлению подчиненных, в Праге министр Квинн с удовольствием принял предложение британского посла пожить в посольском доме. Посол, недавно сменившая лондонский Сити на министерство иностранных дел, когда-то училась вместе с Квинном в Гарварде. Пока Фергус проходил аспирантуру бюрократии и власти, Стефани трудилась над докторской степенью в области делового администрирования. Конференция, проходившая в сказочном пражском замке, гордости города, растянулась на два дня бесконечных коктейлей, обедов и ужинов. Посвящалась конференция проблеме налаживания связей между разведывательными службами стран-членов НАТО, ранее пребывавших под пятой СССР. К вечеру пятницы делегаты разъехались по домам, но Квинн решил провести со старой подругой еще один вечерок. Как выразилась Стефани, она хотела “насладиться скромным ужином в компании своего дражайшего друга Фергуса”. Из этих слов ясно следовало, что присутствие Тоби будет крайне нежелательно.

Утро Тоби провел, сочиняя отчет по прошедшей конференции. Днем гулял по пражским холмам. Вечером, очарованный сиянием старого города, прошелся вдоль Влтавы, побродил по мощеным улочкам, в одиночестве поужинал в ресторане. На обратном пути в посольство он выбрал более живописный маршрут, пролежавший мимо замка, и с удивлением заметил, что свет в конференц-зале на первом этаже все еще горит.

С улицы было плохо видно, что происходит внутри, – мешали окна, снизу застекленные тонированным стеклом. Тем не менее, отступив на несколько шагов и привстав на цыпочки, он разглядел очертания мужчины, рассуждавшего о чем-то с кафедры на сцене. Роста мужчина был среднего. Прямая спина, расхлябанная речь. Поведение типичного британца. В этом Тоби был уверен, хоть и не знал, почему. Возможно, из-за жестикологии – четких, экономных движений. Тоби не сомневался, что говорил он по-английски.

Понял ли Тоби, кто это говорит? Пока нет. Не совсем. Он слишком занят, изучая аудиторию оратора. Всего двенадцать человек. Крупные мужчины разместились полукругом. Тоби видел лишь их головы, но и этого было достаточно, чтобы

опознать шестерых. Четыре головы принадлежали заместителям начальников служб военной разведки Венгрии, Болгарии, Румынии и Чехии. Каждый из них всего шесть часов назад заверил Тоби в вечной дружбе, прежде чем отправиться в аэропорт или сесть на поезд до дома.

Две оставшиеся головы, сидевшие рядышком, в отдалении от других, принадлежали женщине-послу Британии в Чешской Республике Стефани и ее старому доброму приятелю по Гарварду Фергусу Квинну. Позади них на столе лежали оставшиеся после фуршета закуски, по всей видимости, заменившие ужин Фергусу.

Тоби стоял на пригорке, не обращая внимания на проезжающие неподалеку машину. Так прошло минут пять. Или больше – он не смог бы это определить, даже если бы захотел. Тоби все смотрел и смотрел в освещенные окна замка, не отрывая глаз от оратора – элегантного, осанистого мужчины в темном костюме, бурно и эмоционально жестикулировавшего и что-то рассказывавшего аудитории.

Но о чем говорил этот человек, похожий на загадочного проповедника?

И почему об этом надо говорить именно здесь, а не в посольстве?

И почему вся эта подозрительная суэта не вызывает неодобрения министра Великобритании и посла Великобритании в Чешской Республике?

И самое главное... Кто же тот человек, что помогает министру скрыться от чужих глаз и разделяет его тайну – и в Брюсселе, и вот теперь в Праге?

* * *

Берлин.

Произнеся очередную бессмысленную речь, озаглавленную “Третий путь: социальная справедливость и ее будущее в Европе” и написанную Тоби, Квинн отправился на ужин в отель “Алдон” с неизвестными спутниками. Тоби решил провести свободный вечер в саду кафе “Эйнштейн” в компании старых друзей – Хорста, Моники и их четырехлетней дочери Эллы.

Тоби и Хорст познакомились пять лет назад, и за это время Хорст, работавший в дипломатической службе Германии, сделал неплохую карьеру и дослужился до позиции, аналогичной посту Тоби. Моника, несмотря на тяготы материнства, ухитрилась три дня в неделю работать в правозащитной группе, которую Тоби очень высоко ставил. Вечернее солнце приятно пригревало. Дул свежий ветерок. Хорст и Моника говорили на северном немецком – диалекте, которым Тоби владел лучше всего.

– Ну, Тоби, – напряженно заговорил Хорст, безуспешно пытаюсь казаться беззаботным. – До нас тут дошли слухи, что твой министр Квинн – настоящий Карл Маркс наоборот. Кому нужно государство, когда всю работу за нас могут делать частные компании? Согласно вашему новоявленному британскому социализму, чиновники вроде тебя или меня и вовсе не нужны обществу.

Тоби, не понимая, к чему клонит Хорст, ответил расплывчато:

– Что-то не помню, чтобы вставлял такие реплики в его речи, – рассмеялся он.

– Но в глубине души он именно так и считает, верно? – настаивал Хорст, понизив голос. – И я вот что хочу спросить, Тоби... Чисто между нами – скажи, ты поддерживаешь это предложение?

Ты ведь вполне можешь иметь свое мнение по этому вопросу, это не преступление. Ты как личность имеешь право на отдельное мнение, совершенно субъективное.

Элла рисовала карандашами динозавра. Моника ей помогала.

– Хорст, я вообще не понимаю, о чем ты говоришь, – запротестовал Тоби таким же шепотом. – Что за предложение? От кого? Кому?

Хорст с сомнением глянул на него и пожал плечами.

– Ну ладно. Тогда что, я могу передать моему боссу, что личный секретарь министра Квинна ничего не знает? Что ты даже не догадываешься, что твой министр и его талантливые партнеры по бизнесу чуть ли не силой заставляют

моего начальника вложить личные средства в частную корпорацию, специализирующуюся на неких дорогих товарах? И ты не в курсе, что этот самый товар якобы отличается более высоким качеством, чем любые его аналоги, доступные на рынке? Могу я сделать такое официальное заявление от твоего лица? А, Тоби?

– Да говори ему, что хочешь. Хоть официально, хоть неофициально. Только расскажи, что это за товар такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25564859&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Строки из стихотворения Джона Донна “Растущая любовь” в переводе Г. М. Кружкова. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Речь идет о специальной телефонной службе: стоимость звонка в ответ на объявление или рекламу оплачивает рекламодатель.

3

Алый Первоцвет – псевдоним героя крайне популярного одноименного романа британской писательницы Эммы Орци (1865–1947), шпиона и роялиста, ведущего борьбу с Французским сопротивлением.

4

Речь идет об известном политическом лондонском клубе с ограниченным членством, организованном в XVIII веке.

5

Постоянный дежурный – старший дипломатический сотрудник министерства иностранных дел, осуществляющий дежурство в нерабочее время, праздники и выходные.

6

Свенгали – главный персонаж одноименного фильма компании “Уорнер Бразерс” 1931 года выпуска, злой чародей, который околдовывает юную красавицу Трилби.

7

Великолепная кухня! (фр.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-le-karre/osobyе-obstoyatelstva-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)